

Своя

февраль 2016

журнал
Никиты Михалкова

ЗНАМЕНИЕ ПОБЕДЫ

Зачем на воинских
стягах священные лики

Русский Афон

Нашему присутствию
на Святой Горе —
1000 лет

«Лучшее у Лескова то, что дважды два — пять»

Интервью
со Львом Аннинским

Главком советской науки

Вспоминаем
Мстислава Келдыша

ДО ВОЙНЫ слова «патриотизм» у нас недолюбливали, а в годину войны полюбили. Прежде оно звучало как-то слишком эпично; мы боялись его отзвуков... Ныне же оно приобрело трагический смысл, и вот его уже не стыдятся...

ЖИЗНЬ в Боге — воистину жизнь, т.е. движение; это духовное возрастание, лестница небесная, нагорный путь. Довольно выйти в дорогу, найти тропу; остальное приложится само собой. Сами собой передвинутся окружающие предметы, отдалятся голоса, раскинутся новые кругозоры. Дверь на волю одна для всех, совместно обитающих в одном затворе, и всегда отперта. Вышел один, за ним последует другой. Быть может, и все потянутся друг за другом.

Вячеслав Иванов (1866–1949)

ЖУРНАЛ ДЛЯ ПРОСВЕЩЕННОГО КОНСЕРВАТОРА ОТ НИКИТЫ МИХАЛКОВА

2	Слово издателя
В поисках героя	27	Книжная палата
3–7	Корневая система
Русский Афон	28–31	Свой среди чужих
Он же Лилиеншвагер, он же Хам...
180 лет назад родился
Николай Добролюбов
8–11	Символ веры
Знамение победы	32–35	Ретроспектива
Наша сторона Луны
Триумф в Океане бурь
12–15	Философ о философе
С чего начинается нация
Вячеслав Иванов и его «Русская идея»	36–38	Наука побеждать
Вокруг света за пятьдесят дней
Как советские подлодки
весь мир обошли
16–19	Живая история
«С такими людьми воевать безнадежно»
Подлинные причины
и итоги Крымской войны	39–41	Русский гений
Главком советской науки
20–23	Великие реалисты
Воитель и ваятель
О выдающемся скульпторе империи
Иване Шрёдере	42–47	Записки охотника
Свидание с весной
24–26	Родное слово
Лев Аннинский:
«Лучшее у Лескова то,
что дважды два — пять»	48	Трапезная
Каша с колес

Главный редактор Елена Ямпольская, **шеф-редактор** Наталья Семина, **ответственный секретарь** Сергей Громов

Отдел рекламы: +7 (499) 418-0499 доб. 44-32

Отдел распространения: +7 (495) 685-4925, +7 (495) 602-5512

Редакция: +7 (499) 418-0499, +7 (495) 685-0633

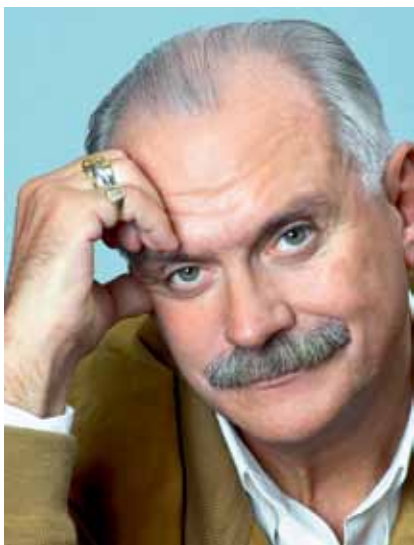
«СВОИ» журнал Никиты Михалкова. Приложение к газете «Культура». Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) Свидетельство ПИ № ФС77-57665 от 18 апреля 2014 г.

Адрес редакции: 127055, Новослободская ул., 73, стр. 1

Отпечатано в типографии Ab Scanweb Oy, www.scanweb.fi

Тираж 35 000

Подписано в печать 20 января 2016 г.

В поисках героя

Последние десятилетия мы довольно часто слышим сетования по поводу того, что живем в абсолютно негероическое время. Мол, герои у нас то ли окончательно перевелись, то ли представляют теперь крайне редкий, исчезающий вид.

Полагаю, это не соответствует истине. Да, на рубеже столетий, в девяностые и нулевые, у нас насаждалась тотальная дегероизация. Свергали с пьедесталов кумиров прошлого — порой заслуженно, гораздо чаще — несправедливо и практически всегда — необдуманно. Высокие образцы перестали внедряться в умы и души юного поколения. Сами образовательные программы формировались с целью (дословно цитирую одного из руководителей Минобра) «вырастить квалифицированного потребителя». Но теперь это уже — прошлое и, надеюсь, безвозвратное.

А что в настоящем? Не стану в очередной раз останавливаться на событиях, которые сравнительно недавно воодушевили, без преувеличения, всю нацию. Поделюсь одним личным и крайне важным для меня наблюдением. В декабре 2015-го мне довелось побывать в Кремле на церемонии награждения особо отличившихся соотечественников. Там было много достойных людей, тех, кто составил бы славу любой страны мира. Золотую Звезду Героя России получал полковник Серик Султангабиев. Этот невысокий офицер подошел к президенту, сильно хромая. В сентябре 2014-го на учебных стрельбах он накрыл своим телом гранату с выдернутой чекой, выроненную молодым солдатом. Полковник спас его, заведомо жертвуя — не рискуя, а именно жертвуя! — собственной жизнью. Произошло чудо, бронжилет сохранил Серика Султангабиева. Он получил тяжелейшие ранения, перенес множество операций и теперь мечтает снова встать в строй.

Ту роковую сцену хороший литератор, наверное, мог бы описать на десятках страниц: секунды до взрыва, последние мысли и чувства русского офицера, ужас на лицах свидетелей внезапной трагедии... Я же приведу слова Евангелия: «Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за други своя». В этом как раз и заключается суть величайшего героизма, национального феномена, который в нашем народе вытравить, искоренить невозможно.

Я с нетерпением ждал, когда покажут по какому-нибудь центральному телеканалу более или менее подробный сюжет, посвященный полковнику Султангабиеву. К радости своей, дождался: ведь у нас если чего-то нет «в телевизоре», то этого как бы и не существует вовсе. Проблема в том, что о настоящих подвигах, актах самопожертвования, совершаемых нашими согражданами, страна узнает далеко не всегда. Думаю, как раз в этом направлении и надо действовать, чтобы число скептиков и пессимистов, которые жалуются на «отсутствие героев» в наше время, существенно уменьшилось.

A handwritten signature in black ink, consisting of stylized, cursive letters.

Русский Афон

Д. БЕЛОКИН. РУССКИЙ МОНАСТЫРЬ ВЕЛИКОМУЧЕНИКА
И ЦЕЛITЕЛЯ ПАНТЕЛЕИМОНА НА АФОНЕ, 1997.

В феврале 2016 года исполняется 1000 лет присутствию русского монашества на святом Афоне. Верующие люди издавна считают это место земным уделом Пресвятой Богородицы. На живописнейшем полуострове много веков живут православные иноки, существует единственная в мире автономная монашеская республика (входит в состав Греции): двадцать древних православных монастырей со скитами и кельями, находящихся в юрисдикции Вселенского патриарха. В Свято-Пантелеимоновом монастыре в трудах и молитвах подвизается по тысячелетней традиции братья из России.

Корневая система

Ольга Марьяновская

МОНАХИ стали селиться в этих местах в глубокой древности, вероятно, уже в первые века христианства. Удаленность от крупных городов, защищенность от внешнего мира привлекали сюда особого склада людей из разных православных стран и народов. Многие спасались от гонений, преследований со стороны иноверцев. Чтобы минимизировать искушения, специальным правилом (оно называется «аватон») было запрещено находиться здесь женщинам. В VII веке византийский император Константин IV навсегда отдал эту землю заселившим ее инокам. Когда именно появились на Афоне русские, точно не известно. Однако очевидно, что традиции монашества пришли на Русь со Святой Горы.

Начальник всех русских монахов преподобный Антоний, основавший Киево-Печерскую лавру, принял постриг, а затем и жил несколько лет как раз в одном

из афонских монастырей. Достоверно установлено, что уже в 1016 году один из документов, хранящихся ныне в архиве Великой лавры (афонский греческий монастырь), был подписан игуменом русской обители Герасимом. Эта дата и стала первым подтверждением нашего присутствия на Афоне.

В XI веке русские иноки жили в скромном скиту во имя Успения Богородицы — Ксилургу. И по сей день тут сохранился самый древний из существующих русских храмов. Количество монахов со временем увеличилось, и они переселились в Нагорный (Старый) Русик, называвшийся прежде Пантелеимоновым монастырем Фессалоникийца.

В период монголо-татарского нашествия связи с Афоном оказались временно утраченными. Но, несмотря на то, что в Старом Русике тогда обосновались греческие монахи, после свержения ордынского ига контакты и духовное влияние Афона на Русь возобновились.

В XIX веке в стенах нынешнего, расположенного у берега моря Свято-Пантелеимонова монастыря

Д. БЕЛЮКИН. «8 МОНАСТЫРСКОЙ ГОСТИНИЦЕ НА АФОНЕ». 1997

ФОТО: РИА НОВОСТИ

**Фреска на куполе (небе)
часовни Свято-Пантелеимонова
монастыря**

(Прибрежного Русика) началось возрождение русского иночества. Очень много сделал для этого первый русский игумен отец Макарий (Сушкин), избранный настоятелем в 1875 году. Издавалась и распространялась духовная литература, открывались подворья. Во множестве приезжали паломники из России.

В начале XX века монастырь превратился в крупный центр православия, в его кельях и скитах подвизались порядка двух тысяч монахов. Это был период наивысшего расцвета русского Афона. Первая мировая война прервала связи с Россией, а революция 1917 года и все дальнейшие трагические события, включая антицерковные кампании в Стране Советов, закономерно повлияли на жизнь монастыря. Пантелеимоновская община постепенно уменьшалась. Помощь из России прекратилась, наши соотечественники не могли посещать обитель. Многие насельники подворий в СССР, отрезанных от Афона, были репрессированы. Андреевский и Ильинский скиты опустели, а позднее оказались заселены греками.

К середине 1960-х в Свято-Пантелеимоновом оставалось всего двадцать старых, немощных монахов. Постройки обители сильно пострадали от пожаров, возникла угроза окончательной утраты монастыря русскими. Однако в 1965 году произошло судьбоносное и чрезвычайно радостное событие: после долгого перерыва братия впервые пополнилась новыми мо-

нахами из Советской России. А в 1975-м прибыл отец Иеремия (Алехин), 14 лет ожидавший разрешения на отъезд за рубеж. Вскоре он был избран, а затем утвержден игуменом обители, оставаясь в этой должности по сей день.

В октябре 2015 года схиархимандрит отметил столетний юбилей. Судьба его поистине удивительна. Отец Иеремия родился на хуторе Новорусском области Всевеликого войска Донского, в казачьей семье. В годы антицерковных гонений вместе с родными был репрессирован. Потом будущий игумен трудился на одном из заводов. Во время Великой Отечественной ждали новые испытания — отправка на тяжелые работы в германский тыл. После войны, вернувшись на родину и решив всецело посвятить себя Богу, он стал иноком. Старец, истинный хранитель древних аскетических и молитвенных традиций афонского монашества, вот уже четыре десятка лет вносит немалый вклад в дело возрождения монастыря.

Новая страница в истории русского Афона открылась со сменой эпох. С начала 1990-х годов обитель понемногу восстанавливается. Сейчас здесь около восьмидесяти насельников, причем две трети из них — моложе тридцати лет. Открылись подворья. Создан музей, приведена в порядок уникальная библиотека, содержащая древние — с VII века — рукописи, а также печатные книги, самые старые

ФОТО: ДМИТРИЙ ШУЛЬЦЕВ/ТАСС

из которых датированы XV столетием. Реставрируются храмы, строятся новые здания, воссоздаются мастерские и цеха, некогда славившиеся произведениями традиционных промыслов. Ведется научная и просветительская деятельность, к тысячелетию монастыря издается уникальная 25-томная серия книг «Русский Афон XIX–XX веков», позволяющая оценить вклад нашего монашества в духовную культуру священного края.

Вновь потянулись паломники из России, чтобы прикоснуться к его сокровищам и святыням. В

монастыре хранятся честная глава святого великомученика, целителя Пантелеимона, часть главы апостола и евангелиста Луки, часть Древа Креста Господня, части мощей Иоанна Крестителя, апостола Андрея Первозванного, праведного Иоанна Русского и многие другие особо почитаемые православные реликвии.

Многажды бывали на Афоне и знаменитые русские художники. Зримым итогом таких посещений стали полотна, запечатлевшие величие и красоту здешних мест. Предлагаем вашему вниманию краткий рассказ о поезд-

ках в этот чудный край одного из представителей нынешнего поколения лучших отечественных живописцев.

Дмитрий БЕЛЮКИН, народный художник России, действительный член Российской академии художеств:

— Впервые я приехал на Афон без малого два десятка лет назад, в 1997 году. Это была творческая командировка группы художников, организованная министерством туризма Греции. Проживая в монастыре, много путешествовали по полуострову. Нам сильно повезло: мы прибыли на Святой Горе почти три недели, хотя обычно разрешение на ее посещение, так называемый диамонитирион, дается вместе с визой только на три дня. Видел, как наши паломники, включая батюшек, совершали марш-броски от одного монастыря до другого — по горным дорогам, в тяжелых ботинках, с посохами. На такой поход обычно уходил целый день. Чуть живые от усталости, они, преодолев свой обязательный маршрут, шли на всенощную. В этом многие находили радость посильного подвига.

Сейчас, конечно, стало больше комфорта. А мне еще удалось застать, по сути, атмосферу девятнадцатого века. В архондарике, гостинице при Свято-Пантелеимоновом монастыре, не было горячего водоснабжения, имелась лишь баня. Однако после трудной дороги этого никто не замечал, все с удовольствием принимали холодный душ.

Сильнейшие впечатления производили огромные, гулкие коридоры, построенные еще в конце XIX — начале XX века, гостевые комнаты для большого количества паломников, где вечером все ходило с керосиновыми лампами. Читали, готовились к исповеди и причастию тоже при таком освещении. В обители был дизель, который вырабатывал электри-

Колокола
Свято-Пантелеимонова
монастыря

ФОТО: РИА НОВОСТИ

В. Путин на Афоне. 2005

ФОТО: ВЛАДИМИР РОДИОНОВ/ТАСС

чество, но к вечеру его вырубали. Сегодня электрический свет и горячая вода подаются непрерывно. А в тот приезд меня не покидало ощущение, что я нахожусь в другом измерении, существую по иному, совершенно особым законам. Один из них звучит примерно так: если человек живет в монастыре, то обязан ходить на ранние утренние службы, отстаивать часы, литургии, присутствовать на всеобщем бдении ночью. Время же на Афоне определяют по-византийски, от захода солнца.

В подобной ситуации неизбежно осознаешь: жизнь монаха дей-

ствительно отличают редкое мужество и нелегкий труд. Во всех афонских монастырях по традиции восточной церкви есть в храмах такие лавки, где разрешено стоять, облачаясь на подлокотники, а также имеется возможность опустить сиденье и присесть.

Если кто-то из нас садился, то нередко засыпал, поскольку днем мы интенсивно работали и были порядком изнурены. Но священники и старцы относились к этому с доброй улыбкой: мол, не исключено, что в такой момент с задремавшим разговаривал ангел.

Еще в ту, первую, поездку я видел в Свято-Пантелеимоновом монастыре следы разрухи. По развалинам ходить было интересно, но в то же время грустно. Некоторые корпуса напоминали жилище бандерлогов из «Маугли»: сквозь каменный пол проросли лианы, все увито диким плющом, двери нараспашку. Как в сказке о Спящей царевне — можно, наверное, использовать еще и такое сравнение.

Я зашел в кузницу, и мне вдруг показалось, что люди ее только что покинули: предстали перед глазами молоточки, горн, мехи, заготовки для подков. Разве только огонь не горел. На Афоне когда-то были различные производства — корабль из России, доставлявший продукты, обратно вез изящные изделия афонских мастеров. В тех давно покинутых мастерских и кельях я находил письма начала XX века, иконки, подряски, камлавки. Даже епитрахиль обнаружилась. Некоторые вещи были настолько ветхими, что рассыпались в руках. Где-то попадался кузнецовский фарфор, где-то — гравюры. Мне хотелось сохранить все это для какого-нибудь музея, но настоятель отец Иеремия не дал на то своего благословения. В Россию эти предметы забрать было невозможно — из Афона вывозить предметы древности запрещено.

Довелось побывать мне в этом замечательном монастыре и в прошлом году. Теперь там все отреставрировано, кипит монашеская жизнь. Новая поездка тоже подарила очень яркие воспоминания. Вместе с несколькими гостями, среди которых был, к примеру, народный художник России Василий Нестеренко, мы совершили восхождение на Святую Гору. По крутым тропинкам поднялись за облака. С вершины открывался вид на прекрасный полуостров. Путь был долгим и трудным, наградой же стало удивительное чувство покоя и близости к Богу.

Символ веры

ФОТО: АЛЕКСАНДР РОМИНГУСС

Знамя победы

Валерий Шамбаров

Нашу армию невозможно представить без знамен. Мы время от времени вспоминаем, как гордо и победно русские солдаты проносили их до Парижа, Стамбула, Берлина, любуемся тем, насколько величественно развеваются эти полотнища на торжественных парадах. И на детских рисунках, созданных к 23 февраля, конечно же, реют прямоугольнички российских знамен. А Устав внутренней службы определяет: «Боевое Знамя является официальным символом и воинской реликвией воинской части, олицетворяет ее честь, доблесть, славу и боевые традиции».

ПРООБРАЗЫ знамен известны с глубокой древности. Каждый отряд, идя на войну, имел особый, связанный с родовым тотемом, мифическим прародителем или воплощением языческого божества знак, дабы бойцы в пылу сражения ориентировались, где свои, а где чужие. У одних — олень, у других — змея или рысь... Покровитель рода будто бы сам присутствовал в бою. Традиция прослеживается и в Древнем Риме, где значки легионов первоначально украшались схожими по духу символами. Во II веке до н.э. полководец Марий ввел для всех легионов единое изображение — орла.

В 312 году Константин Великий перед сражением со своим соперником Максенцием увидел в небе знамение — крест и надпись: «Сим победиши». Он велел изобразить крест на щитах и знаменах. И разгромил врага, хотя его войско значительно уступало по численности. Христианство при Константине стало государственной религией, а крест прочно вошел в рим-

«БИТВА НОВГОРОДЦЕВ С СУЗДАЛЬЦАМИ». XV ВЕК

скую воинскую символику. После завоевания Западной Европы германскими племенами там фактически возобладала языческая тенденция. Флаги королей и феодалов украшали их гербы — изображения животных, растений, атрибутов, указывавших на родословную владельца. Русь переняла византийские обычаи, где по-прежнему господствовал знак креста. На Западе знамя получило название «баннер» — флаг, ярлык, транспарант. Он был «визитной карточкой» на войне или турнире. В нашей стране употреблялось слово «стяг» — знамена стягивали вокруг себя войнство.

Летописи упоминают об этом с XI века, причем под стягами подразумевались не только сами флаги, но и дружины, выступавшие с ними. С помощью стягов можно было осуществлять управление войсками, подавать им сигналы. Обычно символы были красного цвета. В иконописной традиции красный — цвет радости. Но и подвига, мученичества. «Слово о полку Игореве» воспевае князя так: «Червлёный стяг, белая хоругвь, червлёная чолка, серебряное копье — храброму Святославичу!» Разумеется, стяги украшал крест. Ведь каждый князь или боярин помнил предание — «Сим победиши».

Здесь надо отметить и другую тенденцию: на поле боя доставляли иконы. В 1164-м в битве с волжскими болгарами в полках св. Андрея Боголюбского находилась чудотворная Владимирская икона Божией Матери. В 1170-м войско суздальцев обложило Новгород. Тамошние жители устроили общее покаяние и крестный ход с иконой Пресвятой Богородицы, вынесли ее на стены. В нее полетели стрелы, и лик Божией Матери развернулся к новгородцам, на нем увидели слезы. Среди осаждавших началась вдруг неразбериха, паника, они покатались прочь. В память о чуде эту икону назвали «Знаменем Богородицы».

Новгородская икона Спаса Нерукотворного XII века — двусторонняя. На одной стороне — лик Спасителя, на другой — композиция «Прославление креста». Очевидно, святой образ закрепляли на древке, как знамя.

В XIV веке на обломках Киевской и Владимирской Руси возникает обновленная держава — Московская. У ее истоков стояла целая плеяда святых: Даниил Московский, святители Петр и Алексей, преподобный Сергей Радонежский, Дмитрий Донской. Фундаментом, скреплявшим страну, стала идея Святой Руси. Можно ли считать случайным, что в этот период воинские стяги соединяются с иконами? На полотнищах искусные рукодельницы вышивали лики святых, их освящали по тому же чину, что и иконы. А термин «стяг» заменяется на «знамя» или «знамение». Это родственные слова, их изначальный смысл сводится к таким понятиям, как знак, печать, явление, данные свыше. Подняли воинское знамя — и как бы не один человек, а целое войско осенило себя крестным знаменем. Вознесли знамена над головами — и тем самым призвали на подмогу силы небесные.

Центральное место в боевой символике занял образ Спаса Нерукотворного. Его история весьма примечательна. По преданию, царь Эдессы (ныне Шанлыурфа в Турции) Авгарь был болен. Услышав о Христе, захотел увидеть его облик, послал к нему художника. Последний, сколько ни старался, не мог нарисовать портрет. Но Христос смиловился — умылся и приложился к полотенцу. Лик отпечатался на ткани. Когда первую в истории икону доставили Авгарю, тот исцелился. Поместил полотнище в нише над воротами, чтобы каждый мог лицезреть Спасителя. В период гонений на христиан образ спрятали, заложив нишу черепицей. В 544-м к Эдесскому шаху Хосрову. Епископ увидел: для избавления от беды надо найти образ Христа. Тайник вскрыли, и оказалось, что лик Господа перешел также на черепицу, с которой соприкасался. Так появилось две святыни — Мандилион (на платке) и Керамидион (на черепице).

Моления перед ними помогли, атаку персов отразили. позже Эдессу завоевали арабы в 944 году ее осадил византийский император Роман. Город откупился от него, уступив священные изображения. Те были перенесены в Константинополь. В 1204-м Византию захватили крестоносцы, вывели подлинники, и следы святых теряются. Современные исследователи также предполагают, что история иконы Спаса Нерукотворного связана с Туринской

Но
бы, а

СИМВОЛ ВЕРЫ

Мозаичное панно «Спас Нерукотворный» по эскизу Н. Рериха. Храм в честь Сошествия Святого Духа во Фленове

плащаницей: якобы именно она была спрятана в Эдессе и перенесена в Константинополь, где с нее делались первые списки иконы. При разграблении Византии святыня попала в Италию, в Турин.

Спас Нерукотворный — это уникальный «портрет» Господа, его отпечаток. Молящийся человек оказывается словно бы лицом к Лицу с Христом. В 1353-м св. Алексей Московский отправился в Константинополь для рукоположения в митрополиты. Оттуда он привез почитаемый список Спаса Нерукотворного. В Москве для него возвели специальный храм. Обретение иконы стало важным событием для всей страны. В разных городах стали возникать монастыри и церкви в честь этого образа.

Появился он и на знамени св. Дмитрия Донского, воспитанника св. Алексия. В «Сказании о Мамаевом побоище» описывается, как молился государь перед битвой: «Князь же великий, увидав свои полки достойно устроенными, сошел с коня своего и пал на колени свои прямо перед большого полка черным знаменем, на котором вышит образ Владыки Господа нашего Иисуса Христа, и из глубины души стал взывать громогласно...» (возможно, летописец пропустил букву, а знамя было не черным, а «чермным», красным). «Сказание» отмечает и другие «образа святых, шитые на христианских знаменах». Известно, что Донская икона Пресвятой Богородицы в Куликовской битве была поднята на древке в качестве знамени. Эти символы связывали рать с небесным воинством. Любой боец, оглянувшись на знамя, видел лик святого, обращался к нему с мольбой, получал от него силы.

Образ Царя Небесного сопровождал на войне русских властителей и в последующие времена. В 1552 году при осаде Казани Иваном Грозным «велел государь хоругви христианские развертяти, сиречь знамя, на них образ Господа нашего Иисуса Христа Нерукотворенный». Знамя было огромным: три на полтора метра, его переносили 2–3 человека, острый конец древка втыкался в землю. После взятия города перед ним отслужили молебен, и на месте, где оно стояло, царь велел строить церковь. В 1560-м для русского самодержца изготовили знамя еще больше. На нем Спаситель на белом коне ведет за собой небесное воинство. Другое изображение — св. Архистратиг Михаил на золотом коне, с мечом и крестом (сюжет переключался с иконой «Церковь воинствующая», созданной в это же время).

В XVII столетии царь Алексей Михайлович ходил на Смоленск, Вильно и Ригу под багряным знаменем, на котором тончайшей вышивкой был исполнен лик Спасителя. Использовались и иные композиции. Так, знамя Василия III было белым с изображением ветхозаветного полководца Иисуса Навина. Ермак Тимофеевич покорял Сибирь с синими стягами, на них были образы Христа, св. Архистратига Михаила, св. Николая Чудотворца. Когда Пожарский шел освобождать Москву от поляков, его малиновое знамя украшала икона Христа Вседержителя: правая рука — в благословляющем жесте, в левой — Евангелие. На обратной стороне помещена икона Михаила Архангела, дающего благословение на битву Иисусу Навину. Подьячий Григорий Котошихин рассказывал: «А бываю царские знамена у самого в полку и у бояр болшие, шиты и писаны золотом и серебром, на камке Спасов образ или какие победительные чудеса».

С XVII века традиции стали меняться. У стрелецких полков сохранялись знамена с крестом, но для подразделений «нового строя» — солдатских, драгунских, рейтарских — заимствовали западные образцы. В 1669-м был принят трехцветный, бело-сине-красный

флаг. А на полотнищах стали помещать государственный герб — двуглавого орла. Хотя и там имелась икона — щит с изображением св. Георгия Победоносца. Да и старые реликвии использовались. Казанское знамя Ивана Грозного со Спасом Нерукотворным царевна Софья вручила Василию Голицыну для походов на Крым. Их Господь, как видно, не благословил, кампании оказались неудачными. Однако Петр I с этим же знаменем брал Азов. А потом передал его фельдмаршалу Борису Шереметеву для боевых действий против шведов. И как раз с этим знаменем Шереметев одержал первые победы.

Павел I воинскую символику упорядочил, установил, что знамя должно отображать триединую формулу, за которую сражается солдат: вера — царь — Отечество. Первую обозначал крест, второго — императорский вензель, третье — герб России. Но и обычай помещать на полотнища иконы не был забыт.

В 1877 году для освободительного похода на Балканы в Самаре монахини вышили знамя для болгарских дружин, изобразили на нем Иверскую икону Божией Матери, св. Кирилла и Мефодия в золотом кресте. Под Стара-Загорой в рукопашной схватке за эту святыню погибли пять знаменосцев, в том числе командир дружины Павел Калитин. Вынес ее с поля брани унтер-офицер Фома Тимофеев.

Александр III после своего воцарения обратился к прежним традициям. Распорядился на каждом знамени писать масляными красками полковую икону «в Византийском вкусе». На изготовлении знамен специализировалась московская шелковая фабрика братьев Сапожниковых. В 1900 году она создала цельнотканое знамя с образом Спаса Нерукотворного и надписью «С нами Бог». Работа была сложнейшей, великолепной, на Парижской выставке удостоилась большой золотой медали. Очень понравилась и царю. Николай II повелел делать

Икона Божией Матери «Знамение»

такие же знамена для всей армии. Под ними, со Спасом Нерукотворным, наши воины в Первую мировую освобождали Галицию, били немцев в Польше, громили турок под Сарыкамышем, брали неприступный Эрзерум и Трапезунд, поднимались в атаки Брусиловского прорыва.

После Февральской революции Временное правительство приказало сдать все знамена в Интендантское управление — для снятия императорских вензелей. Дело зависло. Именно в этот период, оставшись без знамен, армия разложилась и развалилась. Черепа и кости ударных «батальонов смерти» не смогли заменить лик Спасителя.

В новейшее время на российский стяги вернулись двуглавый орел со св. Георгием Победоносцем и крест в различных формах. Их освяща-

ют по особому воинскому чину. А под эгидой православного фонда «Омофор» началось производство вышитых храмов для боевых кораблей. Свободного пространства там, на судах, почти нет, храм же из шелка помещается в чемоданчике и может быть быстро развернут. Иконостасы вышивают лучшие мастерицы — вручную, так же, как старинные знамена. Подобный храм был передан в 2006 году флагману российского флота, атомному ракетноносцу «Петр Великий». Сейчас таковыми оснащены уже более 40 кораблей на всех флотах, в том числе авианосец «Адмирал Кузнецов», ракетный крейсер «Москва», периодически выполняющие свой воинский долг у берегов Сирии. Несут Знамяние Господне по разным морям и океанам, по всему земному шару.

Философ о философе

В. ИВАНОВ. 1921

С чего начинается нация

Олег Ермишин

Вячеслав Иванов, со дня рождения которого 28 февраля исполнится 150 лет, известен прежде всего как поэт Серебряного века, литературный критик, теоретик символизма. То, что этот блистательный литератор разработал оригинальное учение о театре, написал ряд трудов о религии Диониса, впервые перевел на русский язык практически всего Эсхила, оставил богатое философское наследие, где важное место занимают размышления о судьбе России, знают сравнительно немногие наши современники. А ведь некоторые из его тезисов, идейных находок удивительно актуальны и сегодня.

ОН РОДИЛСЯ в Москве. С золотой медалью окончил Первую гимназию. Учился на историко-филологическом факультете Московского университета. Двадцатилетним уехал за границу и продолжил образование в Берлинском университете под руководством известного историка Теодора Моммзена. Пристрастие к античности, древней культуре и классическим языкам сочеталось у молодого ученого с увлеченностью творчеством Федора Достоевского и других русских мыслителей XIX века. Сам Иванов позднее вспоминал: «Как только я очутился за рубежом, забродили во мне искания мистические и пробудилась потребность сознать Россию в ее идее. Я принялся изучать Вл. Соловьева и Хомякова».

После многолетних скитаний, включавших в себя как переезды с одного места жительства на другое, так и дальние путешествия, он в 1905 году поселился в Петербурге, в знаменитой «башне» (Таврическая, 25). Здесь на «ивановских средах» собирались представители литературной, художественной и философской элиты того времени: Николай Бердяев, Дмитрий Мережковский, Андрей Белый, Михаил Гершензон, Мстислав Добужинский, Константин Сомов, Леон Бакст...

В 1908–1911 годах Вячеслав Иванович активно участвовал в деятельности петербургского Религиозно-философского общества. Там нередко выступал с докладами, в том числе такими, суть которых становится понятна уже из названий. Например, «О русской идее» (доклад опубликован в журнале «Золотое руно»). Почему он проявлял к этой теме чрезвычайный интерес? Скорее всего, его к этому подтолкнуло изучение существовавшей на протяжении многих столетий идеи эллинской — духовного и культурного единства, когда-то обретенного и восславленного древними греками. Философ искал

сравнительные параллели между «душой Эллады» и национальными идеалами, о которых с середины XIX века в России размышляли особенно интенсивно.

Сегодня над русской идеей принято иронизировать. Чтобы подобная ирония выглядела по меньшей мере не всегда уместной, стоит ознакомиться с ключевыми определениями, которые использовал Вячеслав Иванов. Он твердо усвоил сам и довольно четко объяснил любознательной публике: национальная идея впервые завладела умами вовсе не в России, и даже не в Германии (где активно осмысливалась Иоганном Гердером, Георгом Гегелем и другими). Еще в древности об этом много говорили и писали евреи, греки и римляне. Первые наиболее остро чувствовали свое национальное назначение вне государства, в рассеянии (по Иванову, «назначение быть народом священников и дать миру Мессию»). Вторых, разделенных на множество государств и разбросанных на огромной территории

«Башня Вячеслава Иванова»

ФИЛОСОФ О ФИЛОСОФЕ

от Южной Италии до Крыма, объединяли язык и культура. Третьи выдвинули совершенно новую для своего времени национальную задачу — «объединить племена в одном политическом теле».

Указав на эти принципиальные различия, Иванов предложил следующую универсальную формулировку: «Национальная идея есть самоопределение собирательной народной души в связи вселенского процесса и во имя свершения вселенского». По его мнению, национальная идея является ложной, если она смешивается с народным эгоизмом или с понятием государства.

Русской идеи нет без единства народной души. Мешают единению давние противоречия между властью, интеллигенцией и народом. Особенно выделял философ диссонанс в мировосприятии интеллигенции и народа, драматическую разницу двух культур. В народной, так называемой «примитивной» культуре основные представления о мире, бытии — по сути, общие для всех. В интеллигентской, критической — повсеместное личное обособление, расцвет индивидуализма: «Россия выделила из себя критическую культуру и, сохранив в низинах живые остатки иной, примитивной культуры, не дает успокоиться нашим сердцам в этом разьединении».

Извне, искусственно примирить данные культуры невозможно. Совершенно утопичны попытки интеллигенции возвести народ до себя (проще говоря, всех людей превратить в интеллигентов). Стремление «снизойти», сблизиться с народом, слиться с ним воедино — также бесперспективно. Предшествующие десятилетия, практика разночинных народников, действовавших согласно своим — как революционным, так и «эволюционным» — теориям, эти выводы подтверждали как нельзя лучше.

Органическое всенародное единство, по Иванову, достижимо лишь

К. СОМОВ. «ПОРТРЕТ ВЯЧЕСЛАВА ИВАНОВА». 1906

на основе «синтеза всех определяющих жизнь начал и всех осуществляющих жизнь энергий», то есть исключительно благодаря общему религиозному сознанию.

«Единственная сила, организующая хаос нашего душевного тела, есть свободное и цельное приятие Христа, как единого всеопределяющего начала нашей духовной и внешней жизни», — так он сформулировал основную мысль о великом национальном слиянии.

Только вот как достигнуть этой цельности? Философ предложил свою практическую, поэтапную программу. В отличие от всевозможных «ходовок в народ», упорно и безуспешно гнувших свою утилитарную («политэкономическую») линию, он считал, что надо следовать закону религиозного «нисхождения» (это слово в творчестве Иванова встречается очень часто и имеет совершенно особый смысл), основанному на духовном служении и христианской любви. Необходимо пройти три стадии: очищение, научение, действие. Очищение души — это пробуждение личности к религиозной жизни, осознание критической культуры как системы относительных, необязательных ценностей. Научение — «обретение Имени», принятие истины религиозной. И только при прохождении первых двух этапов возможно об-

щественное действие («праксис»). Оно никак не связано с манифестацией эгоизма, основывается на религиозном сближении людей, на единой для всех глубокой христианской вере.

С 1913 года мыслитель жил в Москве. В 1920-м уехал на Кавказ. Поселился в Баку, работал профессором на кафедре классической филологии Бакинского университета. В 1924-м получил разрешение на командировку в Италию, из которой уже не вернулся, хотя еще долго хранил советский паспорт.

В 1930-м переиздал на немецком языке «Русскую идею», внося туда ряд существенных поправок. Если сравнить тексты, опубликованные с разницей в 21 год, то можно обнаружить интересные отличия, хотя в обоих случаях видна последовательность в изложении материала. Из немецкого издания исчезла «практическая программа» (очищения, научения и действия), которая для автора стала, судя по всему, неактуальной после событий Октябрьской революции и Гражданской войны. Зато появились некоторые новые характеристики. Иванов обосновал «дуалистический принцип в историческом бытии России», онтологическую раздельность «земли» и «царства». Под словом «земля» подразумевается народ, «царство» здесь — не что иное, как государство, власти предрезающие.

Добиться полного примирения, гармонии взаимоотношений между ними крайне трудно, поскольку их жизненные интересы часто не совпадают. Философ обратил внимание на то, что «подлинная духовная родина нашего народа» — именно «земля». Хотя она и находится в подчинении у «царства», последнее не может не считаться с ее волей. Два типа национального самутверждения обречены искать согласия, без этого их благополучное сосуществование невозможно. В то же время, по Иванову, отождествление русской идеи с концепцией

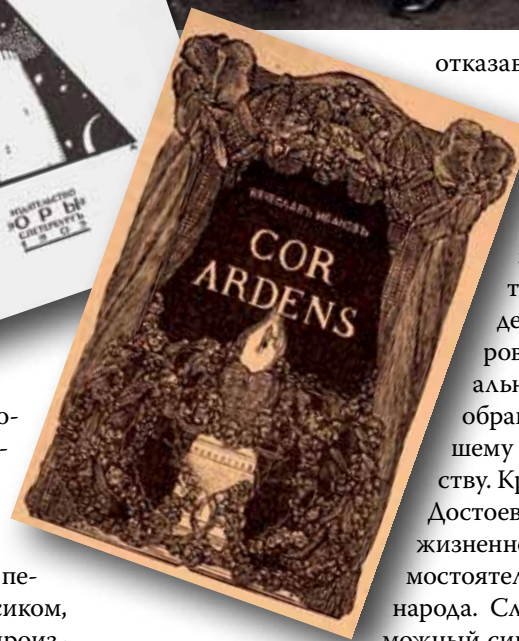
Д. Мережковский, З. Гиппиус и В. Иванов в Рокка-ди-Папа, около Рима. 1937

государства, подобной римской («Третий Рим»), ведет в тупик: такая идея не может утвердиться, минуя, игнорируя первейшую инстанцию — народ.

Вячеслав Иванов вынужден был признать, что конкретные сроки и способы воплощения русской идеи неизвестны, что она есть «ожидание», «многосложный знак, имеющий множество толкований» и до преодоления двойственности народного бытия будет существовать «только в виде интуитивно улавливаемого образа».

Используя слово «образ», он вольно или невольно подразумевал отечественную литературу с ее образами идеального бытия. Прежде всего — произведения Достоевского. Примерно тогда же, когда вышла вторая редакция «Русской идеи», Иванов готовил для немецкого издательства еще одну важную книгу — «Достоевский. Трагедия — миф — мистика» (часть труда написана в то время, другая включает в себя тексты статей о Достоевском 1911–1917 годов). Некоторые тезисы этой работы справедливо рассматривать как содержательное дополнение к «Русской идее». Автор попытался собрать основные мысли великого писателя в единое целое, тематически разделив книгу на три части — о трагедии, о мифе и о религии. Внятно давал понять: романы Достоевского направляют на путь трагического очищения; читатель, пережив метафизику событий, описанных классиком, обретает смысл и ценность жизни. Герои этих произведений убеждают в непреложности дилеммы — быть с Богом или без Него, и этому выбору подчиняется все дальнейшее существование индивида. Таким образом, «очищение», о котором Вячеслав Иванов рассуждал в «Русской идее» образца 1909 года, возникло в его творчестве вновь, пусть и в несколько ином контексте.

Достоевский открыл ему истину: противоречия раздрают не только русский народ, но и душу каждого человека, осознающего противоположность любви к себе и любви к Богу и зачастую не знающего, как их примирить. По Достоевскому, каждая личность неизбежно проходит религиозное или антирелигиозное развитие. Вера — «знак здоровой воли», утверждение стихийно-творческого начала жизни. Атеизм, безверие — угашение этого начала. Человеческая душа,

отказавшись от Бога, тянется к хаосу и метафизическому бунту.

В любом из нас от рождения заложены как тяга к самоопределению, конструированию индивидуальной судьбы, так и обращенность к высшему духовному единству. Кроме того, полагал Достоевский, существует жизненно целостная, самостоятельная личность народа. Следовательно, возможный синтез предполагает гармоническое соотношение между этими личностями — индивидуальной и метафизической, всенародной.

Образ такого синтеза дан в Церкви и церковном сознании. «Достоевский открывает самые сокровенные законы истинного и мнимого бытия и, сам того не подозревая, переступает через порог естественного познания Бога и выражает в своем творчестве глубокие прозрения в мистическую жизнь Церкви и общение святых... в чудесную реальность единства всех во Христе», — полагал Вячеслав Иванов, абсолютно солидарный с Достоевским в том, что только религиозный путь ведет к гармонии взаимоотношений человека и общества, совершенствованию органической культуры, воплощению подлинной русской идеи.

Живая история

«С такими людьми воевать безнадежно»

Г. ШУЖАЕВ. «БОЙ НА МАЛАХОВОМ КУРГАНЕ В СЕВЕРНО-ВОСТОЧНОЙ ЧАСТИ ПОЛОУОСТРОВА МАЛАХОВСКОГО, 1856 ГОДА»

Игорь Немчинов

160 лет назад начался Парижский конгресс, подведший итоги Крымской войны. Во все прежние эпохи в нашей памяти она находилась в тени трех Отечественных (включая и ту, которую у нас знают как Первую мировую), разразившихся в 1812-м, 1914-м и 1941-м. Но это несправедливо.

Casus belli

Россия тогда всячески стремилась избежать столкновения. К конфликту подталкивали Франция и Великобритания, заключив в удушающе тесные объятия Османскую империю. Французы во главе с Наполеоном III стали всячески шантажировать турок, требуя отказаться от ранее принятых перед Россией обязательств.

На тот момент в составе империи османов, уже сильно ослабленной, крайне неустойчивой, все еще находились многие области Восточной Европы, населенные православными народами, и Ближний Восток с его главными христианскими святынями. Россия не посягала на статус-кво и настаивала лишь на своем законном приоритете — оставаться на Святой земле в качестве главного духовного арбитра, патрона ближневосточных христиан и паломников, наблюдателя за церковной жизнью в Палестине.

Против этого как раз и выступили французы, пережившие у себя несколько антимонархических, а главное, антирелигиозных по своей сути революций, впитавшие в нескольких поколениях идеологию в духе «шарли эбдо», но внезапно «вспомнившие», что они — представьте себе! — тоже христиане. После чего громогласно и ультимативно потребовали вручить им ключи от Вифлеемского храма Рождества Христова. Турки, то ли испугавшись ультиматума, то ли лукаво симулировав испуг, предпочли рассориться с русским царем. И подать тем самым заявку на вступление в североатлантический альянс. Это было первое, но не последнее в мировой истории принятие Турции в «блок НАТО».

И если в XXI веке ее правителям, чтобы до предела испортить отношения с русскими, вздумалось сбить боевой самолет в небе над Сирией, то в середине XIX столетия османские власти избрали другой способ удара в спину: на родине Спасителя они фактически уравнивали в правах, с одной стороны, христианнейшего монарха и его подданных, а с другой — расхристанных псевдокатоликов, искавших лишь повода покуражиться. Мог ли Николай I снести подобное оскорбление от турецких «партнеров»?

Мотивы и причины

Российский император оказался до конца верен своей исключительно миролюбивой политике. Он даже был готов терпеть французов с ключами от Вифлеемского храма в руках. Однако взамен потребовал у турок некоторых внешнеполитических уступок. Таковые предполагали усиление особой роли России на Балканах и в Палестине, причем ко взаимной выгоде обеих империй. Османам это позволило бы максимально долго сохранять территориальную целостность, несколько нормализовать социальный кли-

В. СВЕРЧКОВ. «ПОРТРЕТ ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ I». 1856

Если бы победила Россия, то она ограничилась бы освобождением из-под османского ига православных народов и установила режим наибольшего благоприятствования для всех верующих людей на Святой земле

мат в стране, раздираемой межрелигиозными и межэтническими конфликтами-противоречиями. Русские обеспечили бы устойчивый мир на своих юго-западных границах, помогли бы балканским, закавказским и ближневосточным единоверцам уменьшить дикий гнет со стороны полубезумных исламистов и прочих башибузуков. Если бы не вмешались в этот сугубо миротворческий процесс западные державы, русский царь наверняка смог бы добиться поставленных целей. Но у французов и британцев на сей счет были совершенно другие планы, им требовалась война: как максимум — на уничтожение нашей страны, как минимум — на ее значительное ослабление. Первые к тому же мечтали взять реванш

за поражение в наполеоновских баталиях, вторые — разжиться за счет русских пространств новыми колониями. Чем подпитывалась их уверенность в благополучном для себя исходе военной кампании? В советские времена наши историки отвечали на этот вопрос стандартно: крепостническая Россия сильно отставала в технологическом отношении от западноевропейских государств, что гарантировало им на случай войны явное превосходство. Что ж, вряд ли и теперь можно эту причину счесть малоубедительной. Действительно, индустриализация в тех же Франции и Великобритании шла гораздо быстрее, нежели в нашей стране, и разница в развитии военно-промышленных комплексов стала весьма ощутимой. Самый показательный пример: интервенты убивали русских бойцов из нарезного оружия, которое было куда эффективнее гладкоствольного, имевшегося в распоряжении россиян. Проявились и другие преимущества тогдашних натовцев. Скажем, они могли себе позволить атаковать наши порты с моря, а русские моряки, увы, не имели возможности ответить мощной бомбардировкой где-нибудь в Марселе, Саутгемптоне или на Сардинии. Флот России был для этого недостаточен силён.

Особенности национальной историографии

Сегодня, пожалуй, есть все основания полагать: историческая литература прежних эпох давала не вполне адекватные представления о событиях 1853–1856 годов. Советские историки, вскользь упоминая о храбрости, доблести, самоотверженности наших предков, защищавших Родину, упирали в основном на то, что Крымская война закончилась для нас однозначно бесславно и что, дескать, по-другому и быть не могло в годы правления «Николая Палкина».

АРТИЛЕРИЙСКАЯ БАТАРЕЯ АНГЛИЧАН. ФОТО Р. ФЕНТОНА

БАЛАКЛАВСКОЕ СРАЖЕНИЕ 25 ОКТЯБРЯ 1854 ГОДА

Дореволюционные историографы зачастую впадали в другие крайности, например, приписывали отдельным политикам, военным стратегам и дипломатам свойства, якобы определявшие ход глобальной истории, будто бы серьезно влиявшие на решение вопросов войны и мира. Скажем, в исследовании Андрея Зайончковского чересчур много внимания уделяется личным качествам турецких пашей, британских аристократов, французских посланников, русских чиновников, из чего логически (если воспринимать меседжи автора буквально) можно вывести:

кабы не «самохвальство Лавалета» (французского посла), первоначальный конфликт русских с турками мог бы и не возникнуть. Или: если бы всевозможные пальмерстоны и рэдклиффы оказались именно такими джентльменами, за которых себя старательно выдавали, то с ними вполне можно было бы подружиться, договориться о предотвращении войны. Или: российский чрезвычайный посол князь Александр Меншиков отличался злоязычием, а значит, посылать его на урегулирование спорных вопросов с Оттоманской Портой Николаю I явно не следовало...

Не станем принижать роли личностей в истории. И тем не менее подчеркнем: все эти персоны выражали не столько собственные политические взгляды, сколько интересы самых могущественных сил планеты. Каких-либо случайностей, спонтанных действий в их поведении искать не следует.

Великая шахматная доска

Это была самая настоящая мировая война — как по географическому охвату, так и по стратегическим целям противоборствовавших сторон. Боевые действия разной степени интенсивности шли на Дунае, Черном, Азовском, Балтийском, Белом морях, на Тихом океане; в Крыму и Закавказье, в Дунайских княжествах и Одессе, на Соловках и близ Петербурга, на Камчатке и землях, населенных финнами. В случае безусловного успеха захватчиков Российская империя лишалась многих своих территорий, традиционного геополитического влияния в бассейне Черного моря, на Балтике, в странах Восточной Европы, собственного Черноморского флота и вообще статуса великой державы. В Севастополе уже тогда, а не в результате возможного триумфа (к счастью, несостоявшегося) «революции гидности» развернулась бы во всю мощь крупнейшая военно-морская база североатлантистов.

Если бы победила Россия, то она ограничилась бы освобождением из-под османского ига православных народов, взяла бы под контроль пролив Босфор (возможно, вместе с Дарданеллами) и установила режим наибольшего благоприятствования для всех верующих людей на Святой земле, родине Христа и пророков.

Крымская война выявила условных, а не абсолютных победителей. Российский народ, проявив, как принято говорить, беспримерное мужество и стойкость, сумел отсто-

ять независимость и целостность родной страны. Хотя верх одержалтаки североатлантический альянс. Он уже было оттяпал себе Крым и город русской славы, однако наши войска под занавес этой мировой кампании захватили на востоке Турции стратегически важный для нее Карс. В итоге на Парижском конгрессе «натовцы» согласились оставить Севастополь и весь полуостров, а русские в обмен на это снова отдали Карс туркам.

Почему Крым — наш

С этими героическими и трагическими событиями связаны самые славные имена: адмиралов Павла Нахимова, Владимира Корнилова, Владимира Истомина, хирурга Николая Пирогова, Льва Толстого и его друга Аркадия Столыпина (знаменитого и безупречного государственного служащего, к тому же отца легендарного премьера) и многих других. Биографии и заслуги этих людей перед Родиной узнать в век интернета совсем нетрудно. Мы же за наилучшей иллюстрацией главного итога Крымской войны обратимся к недавней авторской телепередаче Никиты Михалкова и позаимствуем из нее чрезвычайно проникновенный, уникальный по своей выразительности текст, письмо французского солдата другу — из Крыма в Париж: «Наш майор говорит, что по всем правилам военной науки им (русским) давно пора капитулировать. На каждую их пушку — у нас пять пушек, на каждого солдата — десять. А ты бы видел их ружья! Наверное, у наших дедов, штурмовавших Бастилию, и то было лучшее оружие. У них нет снарядов. Каждое утро их женщины и дети выходят на открытое поле между укреплениями и собирают в мешки ядра. Мы начинаем стрелять. Да! Мы стреляем в женщин и детей. Не удивляйся. Но ведь ядра, которые они собирают, предназначаются для нас! А они не ходят. Женщины плюют в нашу

сторону, а мальчишки показывают языки. Им нечего есть. Мы видим, как они маленькие кусочки хлеба делят на пятерых. И откуда только они берут силы сражаться? На каждую нашу атаку они отвечают контратакой и вынуждают нас отступать за укрепления. Не смейся, Морис, над нашими солдатами. Мы не из трусливых, но когда у русского в руке штык — дереву и тому я советовал бы уйти с дороги. Я, милый Морис, иногда перестаю верить майору. Мне начинает казаться, что война никогда не кончится. Вчера перед вечером мы четвертый раз за день ходили в атаку и четвертый раз отступали. Русские матросы (я ведь писал тебе, что они сошли с кораблей и теперь защищают бастионы) погнались за нами. Впереди бежал коренастый малый с черными усиками и серьгой в одном ухе. Он сшиб двух наших — одного штыком, другого прикладом — и уже нацелился на третьего, когда хорошенькая порция шрапнели угодила ему прямо в лицо. Рука у матроса так и отлетела, кровь брызнула фонтаном. Сгоряча он пробежал еще несколько шагов

и свалился на землю у самого нашего вала. Мы перетащили его к себе, перевязали кое-как раны и положили в землянке. Он еще дышал. «Если до утра не умрет, отправим его в лазарет, — сказал капрал. — А сейчас поздно. Чего с ним возиться?» Ночью я внезапно проснулся, будто кто-то толкнул меня в бок. В землянке было совсем темно, хоть глаз выколи. Я долго лежал, не ворочаясь, и никак не мог уснуть. Вдруг в углу послышался шорох. Я зажег спичку. И что бы ты думал? Раненый русский матрос подполз к бочонку с порохом. В единственной своей руке он держал трут и огниво. Белый как полотно, со стиснутыми зубами, он напрягал остаток своих сил, пытаясь одной рукой высечь искру. Еще немного, и все мы, вместе с ним, со всей землянкой взлетели бы на воздух. Я спрыгнул на пол, вырвал у него из руки огниво и закричал не своим голосом. Почему я закричал? Опасность уж миновала. Поверь, Морис, впервые за время войны мне стало страшно. Если раненый, истекающий кровью матрос, которому оторвало руку, не сдается, а пытается взорвать на воздух себя и противника — тогда надо прекращать войну. С такими людьми воевать безнадежно».

Л.Э. ДЮБЮФ. «ПАРИЖСКИЙ КОНГРЕСС. 1856 ГОДА». 1856

Великие реалисты

Навершие памятника
«Тысячелетие России»
в Новгороде

Воитель и ваятель

ФОТО: ВЛАДИМИР СМЕРНОВ/ТАСС

Юлия Кудрина

В перманентно бившейся с агрессорами всех мастей России многие поколения граждан связывались (и до сих пор связываются) в памяти потомков с войнами. На долю выдающегося русского скульптора Ивана Шрёдера и его сверстников выпала далеко не самая удачная из этих войн — Крымская. Практически сразу же по окончании элитного Пажеского корпуса он, корнет лейб-гвардии Уланского полка, отправился в Севастополь и принял самое непосредственное участие в тяжелейших боях с интервентами. Не будет ошибкой предположить, что именно это обстоятельство оказало наибольшее влияние на всю его творческую судьбу.

К СОЖАЛЕНИЮ, подробности тех, военных, лет жизни Ивана Николаевича известны плохо. Мы даже не знаем точную дату его рождения — и это при том, что Шрёдер был одним из самых выдающихся российских художников XIX века. Причина такого «забвения» слишком очевидна — после Октября 1917 года значительная часть наследия Шрёдера была безжалостно уничтожена.

Он родился в 1835 году. Дворянский род Шрёдеров происходил из Кёнигсберга. Отец будущего художника в разное время занимал посты тамбовского вице-губернатора, рязанского губернатора, дослужился до чина действительного статского советника.

После Крымской войны Иван Шрёдер вышел в отставку и посвятил себя всецело искусству. Брал уроки у знаменитого Петра Клодта. По его совету поступил в Императорскую академию художеств, под начало скульптора Николая Пименова.

Еще будучи студентом, получил приглашение от Михаила Микешина пообщаться к работе над памятником «Тысячелетие России» в Великом Новгороде. В создании этого величественного монумента участвовали Александр Опекушин, Матвей Чижов, Роберт Залеман, Николай Лаврецкий и другие.

По словам конференц-секретаря Императорской академии художеств Федора Львова, Шрёдер «вынес на своих плечах «тысячелетний памятник». Данные слова не преувеличение, его вклад в это во всех смыслах историческое дело был огромен. Как свидетельствуют современники, Иван Николаевич являлся автором проекта, выигравшего конкурс. Именно Шрёдер выполнил конкурсный эскиз и модель в 1/5 натуральной величины. Им же была проведена и основная часть работ — изготовление десяти центральных крупномасштабных фигур. Среди них — главные скульптуры, венчающие памятник: России и Ангела. Идея России воплотилась в фигуре коленопреклоненной молодой женщины в национальном русском костюме и горностаевой мантии, ее левая рука опирается на щит с гербом и датой «862».

Высшая точка монумента — Ангел с крестом, символизирующие православную веру и небесное благословение России. На горизонтальной пластине выбита надпись: «Свершившемуся тысячелетию Российского

Государства в благополучное царствование Императора Александра II лета 1862».

Шрёдер также стал автором трехфигурной группы с императором Петром I в центре — на главной стороне памятника, обращенной к Софийскому собору. Им же создана композиция из пяти фигур, обозначающая начало единодержавия Руси: в центре — Иван III. 16 фигур скульптурной группы «Писатели и художники», помещенные на западной стороне памятника, были выполнены опять же Иваном Шрёдером.

Его участие в создании «Тысячелетия России» императорская власть оценила довольно высоко. Хотя молодой скульптор и не числился официальным соавтором монумента (исторических масштабов несправедливость!), за свой вклад в этот коллективный труд он был награжден — еще в период царствования Александра II — орденом Св. Анны 3-й степени.

Окончив курс Академии, уехал в 1863 году в Италию, затем — в Латинскую Америку. По возвращении на Родину получил за одну из своих работ (в 1868-м) звание академика.

С воцарением Александра III началось повсеместное увековечение памяти российских государственных и общественных деятелей, а также творцов, немало сделавших для культурного и научного развития страны, гражданского и эстетического воспитания ее народа. В эти годы деятельность Шрёдера приобрела особенный размах.

В 1883-м специальным императорским указом было еще раз отмечено первостепенное участие скульптора в работе над памятником «Тысячелетие России». Ивану Николаевичу назначили пожизненное пособие в размере 1176 рублей. Русский император был твердо убежден в том, что «знание великих подвигов военной доблести, образы великих людей и славных побед для каждого исторического события суть двигатели нравственного влияния».

Шрёдер изготовил бюсты великих русских полководцев — Александра Суворова и Михаила Кутузова, которые были установлены в Российском Генеральном штабе. Начал трудиться над проектами монументов, посвященных выдающимся героям Севастопольской обороны.

И. Шрёдер

Скульптурная группа «Писатели и художники» на памятнике «Тысячелетие России»

ФОТО: РИА НОВОСТИ

Неожиданная смерть не позволила Александру III увидеть эти произведения. Открытие памятника Владимиру Корнилову состоялось 5 октября 1895 года, мемориал возвели на Малаховом кургане. Соавтором проекта стал генерал-лейтенант Александр Бильдерлинг. Корнилов был изображен в солдатской шинели на скале бруствера. Ниже и левее — матрос Кошка. На лицевой стороне постамента, как бы пробитой ядрами, поместили надпись: «Вице-адмиралу В.А. Корнилову, смертельно раненому на сем месте 5 октября 1854 г.». На правой стороне памятника — контр-адмиралский и вице-адмиралский флаги, а также указания на места побед и названия кораблей, которыми командовал герой. На тыльной стороне, обращенной к городу, на откосе скалы — последняя молитва адмирала перед смертью: «Благослови, Господи, Россию, Царя, спаси Севастополь и флот».

1 декабря (18 ноября) 1898-го, к 45-летию Синопского сражения, на центральной площади города русской славы по высочайшему

повелению Николая II открывали памятник Павлу Нахимову. Авторами проекта оказались те же мастера — Шрёдер и Бильдерлинг. Статуя была обращена лицом к рейду и Графской пристани. Русский герой предстал перед взорами собравшихся во флотской шинели с палашом на перевязи. Правая рука держала подозрную трубу, левая заложена за спину. На основании памятника поместили три бронзовых горельефа. На фасаде — Синопский бой и слова из приказа великого адмирала: «В случае встречи с неприятелем, превышающим нас в силах, я атакую его, будучи совершенно уверен, что каждый из нас сделает свое дело». На правой стороне — изображение Нахимова и Корнилова во время осады Севастополя на четвертом бастионе; на левом горельефе — изображение Нахимова, беседующего на корабле; на оборотной стороне постамента, украшенной оружием, среди знамен доска со словами: «Слава русскому флоту»; над ней — даты рождения и гибели адмирала: «1802–1855». У подно-

жия, по углам — четыре морских якоря.

За этот труд Николай II наградил Шрёдера орденом Святого Владимира 3-й степени.

В 1928 году по «Декрету о памятниках Республики» монумент Нахимову снесли и на оставшемся постаменте позже установили памятник Ленину, который в 1957 году перенесли. В ноябре 1959-го на этом месте вновь появился бронзовый Нахимов. Его автор — народный художник СССР скульптор Николай Томский.

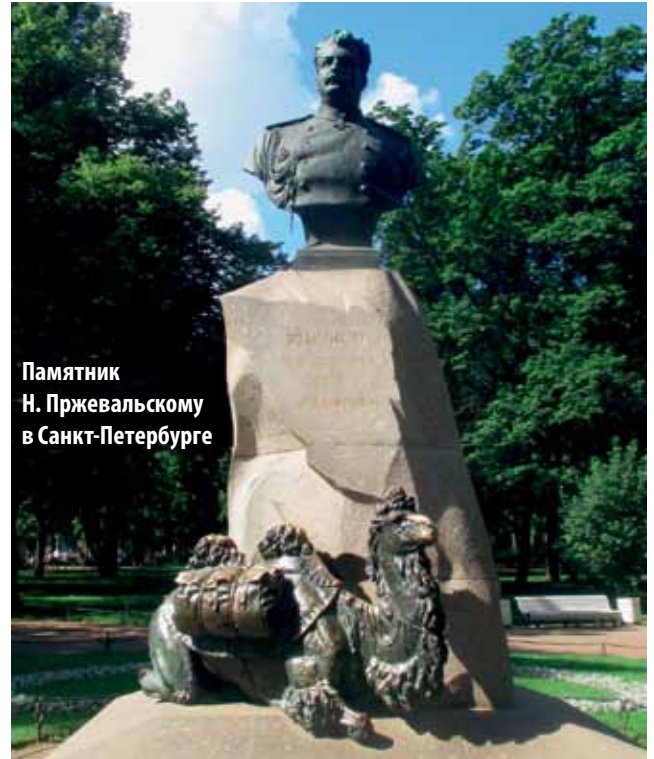
Памятник генералу Тотлебену — также произведение Шрёдера и Бильдерлинга. Установлен и открыт был на Историческом бульваре Севастополя 5 (18) августа 1909 года. На постаменте начертали надпись: «Генерал-адъютант граф Эдуард Иванович Тотлебен. В воздаяние примерных трудов по возведению севастопольских укреплений, составляющих образец инженерного искусства, и в награду за блистательную храбрость при отражении штурма. Награжден орденом Св. Георгия 3-й ст.». Ниже

изобразили карту укреплений Севастополя, творцом большей их части был Эдуард Тотлебен.

Высота этой многофигурной композиции — 13,75 м. Пьедестал выполнен из серого гранита. Пятиметровый генерал в сапогах и полевой шинели изготовлен из бронзы. Вокруг пилона — имитация оборонительных сооружений того времени и шесть фигур: трое солдат строят укрепления, двое сжимают в руках оружие, готовясь отразить атаку врага, матрос под их прикрытием наводит орудие.

Иван Шрёдер создал еще немало памятников и бюстов: знаменитому географу и путешественнику Николаю Пржевальскому, просвещенному благотворителю принцу Петру Ольденбургскому, Александру Пушкину, Александру III, Дмитрию Менделееву и многим другим. Увы, далеко не все произведения сохранились до наших дней.

Он скончался в ноябре 1908 года в Санкт-Петербурге и был похоронен на Никольском кладбище Александро-Невской лавры. В некрологе говорилось: «И.Н. Шрёдер был художник-реалист. Он отвергал всякую фантастику и идеализацию в своих памятниках и изображал своих героев в строго действительном их образе, без малейшего уклонения от житейской правды».

Памятник
Н. Пржевальскому
в Санкт-Петербурге

Памятник адмиралу
В. Корнилову
в Севастополе

ФОТО: РИА НОВОСТИ

Памятник
адмиралу И. Крузенштерну
в Санкт-Петербурге

Родное слово

Б. Кустодиев. Эскиз декорации к спектаклю «Блоха». 1915

Лев Аннинский:

«Лучшее у Лескова то, что дважды два — пять»

Дарья Ефремова

16 февраля исполняется 185 лет со дня рождения Николая Лескова, самого парадоксального и самого непризнанного современниками отечественного писателя, соединившего эмпирику с магией, правдивость с хитростью, цветущую сложность с элементарной простотой. О кружеве его слова и диалектике русской души мы побеседовали с первым специалистом (страны, мира, современности — любая «локализация» подойдет) по Лескову, критиком, литературоведом Львом Аннинским.

ФОТО: АНТОН ЛУКАНИН/ТАСС

СВОЙ: В книге «Лесковское ожерелье» Вы приводите цитату 1931 года: «Скандалная репутация, с первой до последней минуты сопровождавшая литературную жизнь Лескова, заменила ему посмертную славу». Как накапливался опыт его освоения и чем он не угодил современникам?

Аннинский: Мало сказать «не угодил». Писарев даже грозился начистить Лескову физиономию. Роман «Некуда» восприняли враждебно и правые, и левые. В «Очарованном страннике» не видели ни центра, ни сюжета, только — «русские антики» и предсказуемую любовь к родной земле. Эмпирик, кудесник слова, явившийся в литературу из очеркистики, он ничего не доказывал.

Просто наблюдал и описывал жизнь. Ее противоречивость не преображалась ни в философское откровение, ни в психологизм — просто переносилась в ткань текста. Знаменитое лесковское кружево, когда не вполне понятно, кто перед нами и что: автор или шутник-рассказчик, писательская речь или тонко стилизованный сказ, то ли «от дурака» мысль, то ли «от умного» откровение... Великие критики того времени, чуть ли не на столетие вперед определившие русский эстетический вкус, могли ведь, наверное, угадать, что там заложено, если бы вдумывались. Но не до того было. Вопрос стоял иначе: куда гнешь? Чью сторону держишь?

СВОЙ: Вы решили когда-то встать на его защиту?

Аннинский: Скорее, он защитил меня. Я к Лескову поначалу тоже относился довольно подозрительно, вслед за моими друзьями и однокашниками из «Нового мира». История ведь повторяется: в шестидесятые и семидесятые годы XX века, как и столетием ранее, на арену вновь вышли два отряда интеллигенции — либералы, которых периодически жучат верхи, и консерваторы, которые власть поддерживают. Я рвался в «Новый мир», но меня туда не брали. Видимо, понимали, что не боец. (По той же причине Лескова отбраковал некрасовский «Современник».) Что мне оставалось делать? Печатался в провинции. И вот, на излете семидесятых звонит милейшая женщина — фамилии уж не вспомню, говорит: мы издаем карманные книжечки, не хотите написать о «Левше»? Ну, думаю, дождался. Да я там не помещусь! Лескова, конечно, толком не читал. У моих родителей водилась только революционная

литература да советские классики ее дополняли. И вдруг в доме моей будущей жены смотрю: стоит-лежит-торчит суворинское издание, без обложек, страницы некоторые вывалились. Взял, полистал и уже не мог оторваться. Больше всего привлекло то, что у Лескова дважды два — пять: то ли нужно орудийные стволы чистить, то ли не надо; блоху можно бы подковать, только после этого она плясать не будет. А «Запечатленный ангел»!.. Это же выточенная вещь, которой хочется бесконечно любоваться, до чего хороша. И тоже хитрая: на добротолубии и благочестии или на едином упрямстве Московия держится, пьют они там или нет, надо пить или не надо.

Доконала «Железная воля»: это немец такой «железный» или на то наша воля, чтобы он блинами обожрался...

Преобразователи и народники лесковской хитрости не понимали. Не считали нужным вчитываться. Вместо этого сразу выставляли счет: ах, хитришь, стало быть, клеветешь. Он так и умер полупризнанным. Все знали, что да, талантлив. Но талантов, как говорил Ленин, на Руси много, умников мало-вато. На защиту Николая Семеновича встал Алексей Максимович Горький, который сказал, что хватит делать из Лескова противника России и прогресса. Он писал: «Страдая избытком веры при недостатке любви и уважения к человеку, люди плохо поняли Лескова... Он любил Русь, всю, какова она есть, со всеми нелепостями ее древнего быта», мучительной любовью, которая требует всех сил и ничего не дает взамен. Вот после этого он и стал постепенно возвращаться в литературу — как знаток русской души, как человек, который может объяснить, где и каким образом сворачивать. Ведь русский путь — это я уже подключаю Ключевского — никогда не идет прямо и никуда не приводит.

СВОЙ: Лескова ругали и за прямоту. Например, «Соборян» называли «галереей праведников», писателю ставили на вид, что какие-то они слишком положительные, ходульные. Цикл о «русских антиках» действительно был воплощением неосуществленного гоголевского замысла из «Выбранных мест из переписки с друзьями»?

Аннинский: Вот именно — «какие-то». «Соборяне» — гениальная вещь, которую тоже не дочитали. Герои раскрывают душу постепенно, невзначай, в

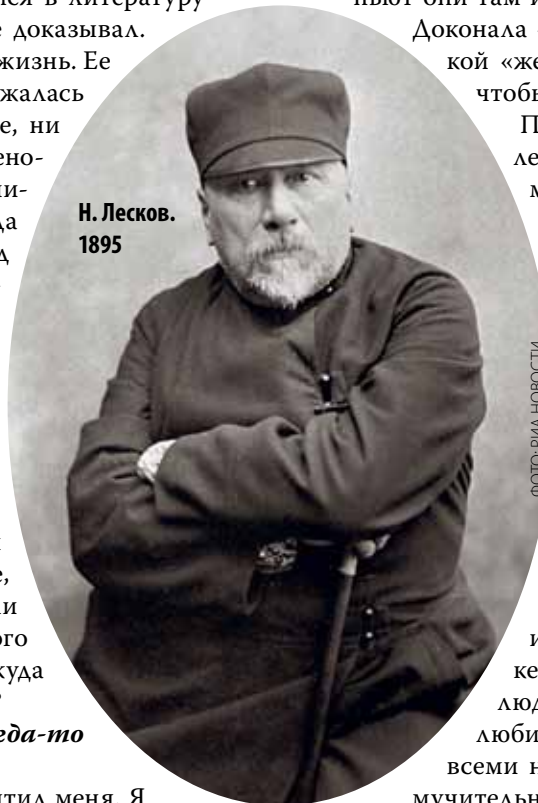

ФОТО: РИА НОВОСТИ

ФОТО: РИА НОВОСТИ

Г. Юдин. Иллюстрация к повести «Запечатленный ангел». 1980

МОНОЛОГАХ, в действиях. «Выбранные места» он, конечно, знал и имел в виду, но был на стороне Гоголя, а не Белинского или Чернышевского. Воплотить гоголевский замысел и выстроить галерею? Лесков не ставил такой задачи — мог бы не успеть и не успел. Да и что такое праведность, как ее добиться, чтобы правду не подменили, а тебя не обвинили во всех смертных грехах? Чернышевский давал ответы, Лесков просто наблюдал.

СВОЙ: *Дмитрий Святополк-Мирский называл Николая Семеновича самым русским из русских писателей. Какой он, русский человек по Лескову? Немногословный мастер Левша, лукавый мужичок, у которого правда босиком ходит и живот под спиной носит, а может, Овцебык, способный снять с себя последнюю рубашку и предполагавший такую же способность в других, а прочих коротко именовавший свиньями...*

Аннинский: И тот, и другой, и третий. И еще множество типажей. Если нужна формула, то для меня она звучит так: мы живем здесь и быть другими не можем. Он не хотел никого переделать, перевоспитать, укорить, но пытался понять, разгадать русский характер. Лесков ведь много поездил: жил за границей, путешествовал по нашей глубинке, как большинство современников, задавался вопросом, относиться к России как к недозападу или недовостоку? Как к тьме или свету? Потому-то его и не брали в первый ряд: там всегда были в каче-

стве полюсов Достоевский и Толстой, наша нижняя бездна и бездна светлая. А кто посередине? Лесков. Он чувствовал русского человека во всей его двойственности, непредсказуемости, переменчивости, честности и хитрости. И в этом смысле Овцебык — очень русский типаж: с одной стороны, непротивленчество, смиренность, с другой — твердость, убежденность. Эту дуальность можно разглядеть во всех его произведениях, даже в ранних рассказах. Да что говорить, первый же художественный очерк «Разбойник», появившийся за полтора года до его первого романа, уже содержит в зародыше всю его художественную вселенную. Хитрое «ась?» простодушного мужичка и качающееся, колеблющееся вокруг него эмоциональное поле. «Скажи правду!» — «Что сказать-то?» — переспрашивает. — «Правду»... «Правда-то нонче, брат, босиком ходит да брюхо под спиной носит». Лукавит мужичок, «раскидывает чернуху» оттого, что чует над собой огромную, всеподавляющую тяжесть мира — не внешней власти, не общины. Давлением этой незримой силы он пронизан, стиснут и оттого дважды два у него «приблизительно» четыре, и правда неуловима, и речь винтится узором. Вот тут, между светлым рассказчиком, поддерживающим передовые идеи, и темным мужичком, у которого правда босиком ходит, возникает колдовство его прозы. Правы оба, и никто не прав. Есть регулярное государство и всякие умные теории, и нет их. А все качается старая, дремучая, иррациональная Московия... Чтобы понять Лескова, надо уметь его читать...

СВОЙ: *А как?*

Аннинский: Не противиться неопределенности. Хитрит он, слова скручивает, а почему? Может, предполагает, что и я, читатель, стану лукавить. Что ж, давай делать это вместе!

СВОЙ: *В конце жизни Лесков писал о себе: «Мои последние произведения о русском обществе весьма жестоки. «Загон», «Зимний день», «Дама и фефела»... Эти вещи не нравятся публике за цинизм и прямоту. Да я и не хочу нравиться публике. Пусть она хоть давится моими рассказами, да читает. Я знаю, чем понравиться ей, но я больше не хочу нравиться. Я хочу бичевать ее и мучить...» Как Вам такой подход? Он приобрел последователь в современной прозе? Полно ведь мучительных произведений...*

Аннинский: Книг много всяких, и последователей Лескова пруд пруди. Более того, повсюду ощущается его присутствие. Почему он так писал? Думаю, просто устал отвечать на выпады, подозрения, попытки классификаций. Мы живем в двойственном мире, отсюда противоречивость природы — то ли понравиться тем и этим, то ли тех и этих разозлить. В том и суть лесковской драматургии.

Книжная Палата

**Непохожие поэты.
Трагедия и судьбы большевистской эпохи.
Мариенгоф. Корнилов. Луговской
Захар Прилепин**
М.: Молодая гвардия, 2015. — 384 с.

Год назад в январском номере «Своего», а также на интернет-сайте газеты «Культура» публиковался большой фрагмент новой, в то время еще незаконченной книги Захара Прилепина. Отрывок вышел под заголовком «Пока капкан судьбы не щелкнет» и повествовал о некоторых этапах жизни талантливого советского поэта Владимира Луговского. Полностью этот труд Прилепина, получивший длинное название «Непохожие поэты. Трагедия и судьбы большевистской эпохи. Мариенгоф. Корнилов. Луговской», впервые появился на полках книжных магазинов совсем недавно, и в нем, как видим, помимо биографии Луговского дается жизнеописание двух других русских-советских стихотворцев.

Заслуживает самых добрых слов то, что Прилепин продолжает однажды избранную культуртрегерскую, популяризаторскую линию в своем творчестве. Новинка подробно знакомит читателей XXI века с чрезвычайно одаренными отечественными литераторами, о которых мы, в большинстве своем, в лучшем случае «где-то что-то слышали».

Просвещенная публика еще может навскидку припомнить, что Анатолий Мариенгоф — это тот, кто когда-то дружил с Сергеем Есениным, однако стихи первого рискнут продекларировать при этом считанные единицы. Еще меньше нынешние любители изящной словесности знают о Борисе Корнилове и Владимире Луговском. Возвращение полузабытых имен на вершину национального литературного олимпа — задача архисложная, но, безусловно, заслуживающая поддержки.

Вот как сам Прилепин представил «Непохожих...» на своей странице в «Фейсбуке»:

«Новая большая книжка. О трех поэтах. Мариенгоф — про которого мало кто понимает. А я немножко понял. Любовная, детективная и трагическая биография Луговского — вот уж поэт так поэт — от начала до финала. И страшная биография Бориса Корнилова. Хотя все так хорошо начиналось. 20-е и 30-е и 40-е: времена сами знаете какие. В книжке, естественно, фигурируют Есенин, Маяковский, Ахматова, Симонов, Тихонов, Ольга Берггольц, Зощенко, Шершеневич, Хлебников, Приблудный, Долматовский...».

Книга наверняка придется по вкусу ценителям хорошей литературы.

Свой среди чужих

Он же Лиллиеншвагер, он же Хам...

Валерий Бурт

Многим из нас всю жизнь помнятся портреты литературных классиков, висевшие на стенах в каждой школе. И среди них — изображение тщательно причесанного молодого человека с продолговатым лицом, которое еще больше удлиняла борода. Сквозь очки смотрели внимательные глаза, пухлые губы готовы были ошеломить очередным откровением. Это критик Николай Добролюбов. В нынешнем феврале отмечается 180 лет со дня его рождения. По соседству на стене располагался, как правило, лик его друга и тезки Чернышевского...

ПОЧЕМУ Добролюбов занимал столь почетное место в русской литературе? Да, был известным критиком, одним из видных, несмотря на молодость, сотрудников некрасовского «Современника». Чернышевский уже после первой встречи объявил своим домашним: у него только что побывал человек ума необыкновенного. Через год Николай Александрович активно сотрудничал в журнале, и редкий номер выходил без его статей или рецензий.

Добролюбов стал автором нашумевших статей об Александре Островском, Иване Гончарове и другом Иване — Тургеневе. Критик был молод, здоров и невероятно плодовит. Еще до изобретения пулемета, стрелявшего пулями, он стал пулеметом словесным, обрушивавшим на головы граждан потоки мыслей, взглядов и догм. Литературовед Дмитрий Свято-

полк-Мирский писал: Добролюбов — «ярый фанатик, отличался совершенно невероятной работоспособностью». Уместно добавить — не простой фанатик, а революционный. Проживи он еще лет двадцать, не исключено, взял бы в руки, чем черт не шутит, револьвер или бомбу, как народовольцы.

Можно допустить и то, что оказался бы Николай Александрович со своим другом-тезкой Чернышевским в казематах Петропавловской крепости, а потом и на каторге...

Метаморфоза с Добролюбовым случилась невероятная. Сын священника, семинарист, ригорист, он вел днев-

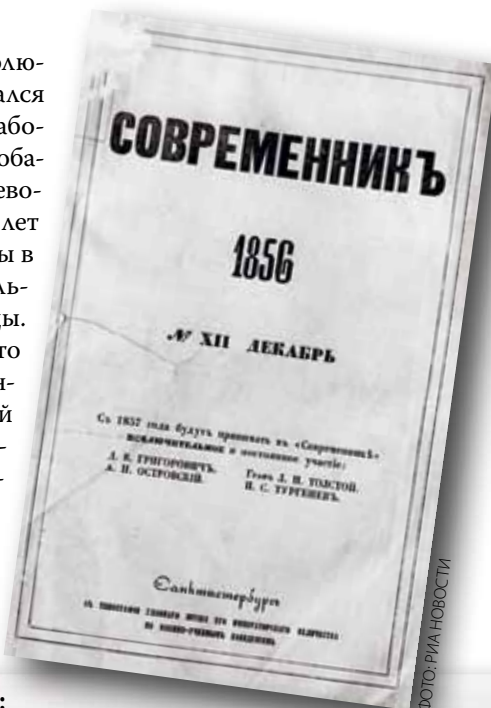

ФОТО: РИА НОВОСТИ

ник, где записывал все свои прегрешения. Однако спустя несколько лет в его сознании произошел перелом. «В старой России он яростно ненавидел все, — писал Святополк-Мирский, — дворянство, купечество, церковные и государственные традиции, — и единственной его целью было оторвать интеллигенцию и народ от всего, связанного с прежним временем».

Литература стала главным полем его борьбы. Но сколько же было побочных и, возможно, случайных! Добролюбов писал о международной жизни — в частности, об Италии, рабочем движении Западной Европы, восстании сипаев в Индии. Размышлял о путях исторического

**Сотрудники журнала «Современник»:
И. Гончаров, И. Тургенев, Л. Толстой,
Д. Григорович, А. Дружинин и А. Островский. 1856**

ФОТО: РИА НОВОСТИ

ФОТО: РИА НОВОСТИ

Н. Добролюбов с отцом. 1854

развития России, нападая на славянофилов. Устав от истории, переходил к естествознанию, погружался в философию и психологию, обращался к педагогике и религии.

Похоже, он и сам не знал, в какие дебри может завести его причудливый и беспорядочный ход мыслей. Однажды Добролюбов озабочился значением торфа в народном хозяйстве. Потом заинтересовался торговлей на украинских ярмарках. К слову, под своей фамилией не публиковался. Заключал статьи подписями Н. Лайбов, Конрад Лиленшвагер, Аполлон Капелькин, Яков Хам...

Перо Добролюбова безостановочно бежало по бумаге. Он, брызгая чернилами, разоблачал, негодовал, критиковал, прерываясь лишь на еду и короткий, беспокойный сон. Впрочем, и о них часто забывал. Писательница Авдотья Панаева за утренним чаем заставляла его съесть что-нибудь мясное, потому что «иногда он приходил к чаю, совсем не ложась спать и проработав всю ночь».

Непрестанно заботился о том, чтобы успеть выплеснуть все, о чем думал, радел, что представлял и замышлял. Панаева упрекнула его однажды: «Вы не можете жить без работы, как пьяница без водки». Он

не писал, а пылал, и в конце концов сторел.

К 25 годам, подведшим черту под его жизнью, Добролюбов был знаменит. На его смерть редактор «Современника» Николай Некрасов отозвался полным скорби стихотворением:

*Плачь, русская земля!
но и гордись —
С тех пор, как ты стоишь
под небесами,
Такого сына не рождала ты
И в недра не брала свои обратно:
Сокровища душевной красоты
Совмещены в нем были
благодатно...*

*Природа-мать!
когда б таких людей
Ты иногда не посылала миру,
Заглохла б нива жизни...*

Добролюбова почитали в до-революционной России. Потом в СССР, во многом благодаря восторженным отзывам Ленина: «Две его статьи — одна о романе Гончарова «Обломов», другая о романе Тургенева «Накануне» — ударили как молния... Из разбора «Обломова» он сделал клич, призыв к воле, активности, революционной борьбе, а из анализа «Накануне» настоящую революционную прокламацию, так написанную, что она и по сей день не забывается».

Стало быть, Добролюбов не напрасно опасался: «...чтоб под могильною землею не стал любви предметом я». Культ его личности процветал много десятилетий.

Одна из самых известных работ — статья «Что такое обломовщина». В ней автор ополчился на главного героя романа Гончарова. И укорил писателя, придавшего Илье Ильичу привлекательные черты.

В той статье, как и во множестве других, Добролюбов лишь «цепляет» образ. А далее рассматривает его как общественное явление. Додумывает, представляет, создает гипотетические модели. Сама литература, ее суть и качество интересуют его мало. Например, вот такую грубую снисходительность

проявлял Добролюбов по отношению к одному из блестящих лирических поэтов России: «У г. Фета есть талант», но он «способен во всей силе проявиться только в увлечении мимолетных впечатлений от тихих явлений природы». Резюме беспощадное: «...г. Фет очень верно выражает неопределенные впечатления природы, и, однако ж, отсюда вовсе не следует, чтобы его стихи имели большое значение в русской литературе».

Вернемся к Обломову. Над ним перо нашего разоблачителя покуражилось вволю. От подобных Илье Ильичу — все российские беды, считал критик. Обломов, мол, сидит во множестве русских людей, ленивых, безучастных: «Обломовцы сначала спокойно смотрят на общее движение, но потом, по своему обыкновению, трусят и начинают кричать... «Ай, ай, — не делайте этого, оставьте, — кричат они, видя, что подсекается дерево, на котором они сидят. — Помилуйте, ведь мы можем убиться, и вместе с нами погибнут те прекрасные идеи, те высокие чувства, те гуманные стремления, то красноречие, тот пафос, любовь ко всему прекрасному и благородному, которые в нас всегда жили».

Поэт Иннокентий Анненский в статье «Гончаров и его Обломов» парировал: рассуждения Добролюбова — «не о предмете, а по поводу предмета». Святополк-Мирский и вовсе полагал, что подобные труды нельзя считать литературной критикой. Хотя и оговаривался: «Правда, у Добролюбова были зачатки понимания литературы, и выбор вещей, которые он соглашался использовать в качестве текстов для своих проповедей, был, в общем, удачен, но он никогда и не пытался обсуждать их литературную сторону: он пользовался ими только как картами или фотографиями современной русской жизни, как предлогом для социальной проповеди».

Рецензия на роман Тургенева «Накануне» под названием «Когда

же придет настоящий день?» вызвала гнев писателя. И неудивительно — вместо конструктивного разбора произведения статья содержала едва прикрытые призывы к социальной революции.

Стоит заметить, что отношения седовласого мэтра с молодым критиком не сложились сразу. Когда Тургенев приглашал к себе на обеда сотрудников «Современника», Николай Александрович неизменно отказывался. «Когда Тургенев убедился, что Добролюбов не поддается на его любезные приглашения, — свидетельствовала Панаева, — то оскорбился и начал говорить, что в статьях Добролюбова виден инквизиторский прием: осмеять, загрязнить всякое увлечение, все благородные порывы души писателя; что он возводит на пьедестал материализм, сердечную сухость и с нахальством глумится над поэзией; что никогда русская литература, до вторжения в нее семинаристов, не потворствовала мальчишкам, из желания приобрести этим популярность».

Добролюбов был самоуверен, упрямо стоял на своем, не склоняясь перед авторитетами. Мог и лоб себе расшибить, если бы не попал в руки доброго Некрасова.

Между прочим, дерзкий юноша порой скидывал тогу критика. И выступал в роли поэта-сатирика, пародиста — в приложении к «Современнику» под названием «Свисток». В его творческом наследии есть гражданская и даже любовная лирика. Это кажется странным: властитель дум, яростный обличитель самодержавия и вдруг — эротика... «Многие, друг мой, любили тебя, / Многим и ты отдавалась... / Но отдавалась ты им не любя... / Это была только шалость», — своеобразный привет Терезе Грюнвальд, даме не самых высоких моральных устоев, чуть было не ставшей его женой, а вскорости и вдовой.

Добролюбову не давал покоя яростный зов плоти. Сублимация сильно сказывалась — он так ча-

Дом-музей Н. Добролюбова
в Нижнем Новгороде

ФОТО: ВЛАДИМИР ВОЙТЕНКО/ГЛАСС

сто призывал к революции, мучительно ждал прихода обновления. И в перерывах между трудами над воззваниями хотел отдышаться, забыть:

*Дики желанья мои,
и в стихах всю их дичь изложу я:
Прежде всего я хочу
себе женщину с длинной косою.
Ум и краса мне не нужны:
пусть только целуется чаще.*

Кажется, это именно тот случай, когда критику требовался критик...

После вышеупомянутой рецензии в «Современнике» Тургенев поставил ультиматум: «Или я, или Добролюбов». Некрасов не без колебаний выбрал последнего, после чего возмущенный прозаик покинул журнал. Ранее Тургенев заговорил о Николае Александровиче с Чернышевским: «Вас я еще могу переносить, но Добролюбова не могу». «Это оттого, что Добролюбов умнее и взгляд на вещи у него яснее и тверже», — ответил Чернышевский. Спор писатель подытожил едким выражением: «Вы — простая змея, а Добролюбов — змея очковая».

Вскоре после разрыва Тургенева с «Современником» один из авторов журнала Иван Панаев встретил в театре начальника штаба корпуса жандармов, генерала Александра Тимашева. Тот заметил укоризненно: «Как же вы могли поссориться с вашим давнишним приятелем и таким бескорыстным сотрудником, как Тургенев?»

Панаев возразил: писатель, мол, не хотел больше сотрудничать в «Современнике». Тимашев же сказал, что понимает Тургенева: тот не мог оставаться в журнале рядом с темными личностями. «Какими темными личностями?» — вопрошал Панаев. «Вы человек доверчивый, и вас легко эксплуатировать, — строго ответил генерал. — По старому знакомству даю вам совет — очистить свой журнал от таких сотрудников, как Добролюбов и Чернышевский, и всей их шайки»...

Чернышевский уже был под надзором полиции, и его арестовали в июне 1862 года. Он обвинялся, в частности, «в постоянном возбуждении враждебных чувств к правительству». Ранее был закрыт «Современник».

Добролюбова «спасла» от неволи болезнь, потом — смерть. Когда Чернышевского препроводили в Петропавловскую крепость, тело его друга и коллеги уже более полугода покоилось на Волковском кладбище в Санкт-Петербурге.

Но могло, наверное, случиться и по-другому. Представьте: в ноябре 1917 года 81-летнего Добролюбова представляют в Смольном председателю СНК Ленину. По морщинистым щекам дряхлого критика текут слезы, он несказанно рад, что дожил до «настоящего дня». Ильич также чрезвычайно взволнован встречей со своим кумиром...

Ретроспектива

Наша сторона Луны

ФОТО: РИА НОВОСТИ

Андрей САМОХИН

Сегодня, когда с новой страстью разгорелся давний конспирологический спор на тему высадки американских астронавтов на Луну, никому даже в голову не придет усомниться относительно первенства нашей страны в прилунении автоматических космических аппаратов, а также передачи на Землю первых фотографий лунной поверхности. Именно этим полвека назад прославилась на весь мир советская станция. В драматической истории проекта под кодом «Е-6М №202» в тесный узел сплелись политическая гонка сверхдержав, смена политического руководства СССР, смерть Сергея Королева.

МНОГОЧИСЛЕННЫЕ неудачи с мягкой посадкой предыдущих советских аппаратов на естественный спутник Земли и последующие победы стали ступеньками космической лестницы для всего человечества.

3 февраля 1966 года в КВЦ (Координационно-вычислительном центре) НИИ-88 в подмосковных Подлипках, ставшем позже знаменитым ЦУПом, все крайне нервничали. 31 января четырехступенчатая ракета стартовала с Байконура с автоматической станцией «Луна-9» на борту. Успешно подлетев к заданной цели, головной блок начал торможение на

АВТОМАТИЧЕСКАЯ СТАНЦИЯ «ЛУНА-9» УСПЕШНО ЗАВЕРШИЛА ПРОГРАММУ ИССЛЕДОВАНИЙ

ВСЕЬ МИР ПРИВЕТСТВУЕТ НОВЫЙ УСПЕХ СОВЕТСКОЙ НАУКИ

органы министерства культуры ссср и центрального комитета профессионального союза работников культуры

Советская Культура

1966 год
№ 17 8 ВТОРНИК
(1977) ФЕВРАЛЬ
Цена 3 коп.

На мировой фотографии...
...крупнейшие звезды...
...и крупнейшие звезды...
...и крупнейшие звезды...

Ваше внимание...
...крупнейшие звезды...
...и крупнейшие звезды...
...и крупнейшие звезды...

ВСЕЛЕННАЯ ГЛАЗАМИ ИСКУССТВА

В своем творчестве...
...крупнейшие звезды...
...и крупнейшие звезды...
...и крупнейшие звезды...

СО СТАНЦИЕЙ «ЛУНА-9» проведен еще один сеанс радиосвязи

Сообщение ТАСС
Ваше внимание...
...крупнейшие звезды...
...и крупнейшие звезды...
...и крупнейшие звезды...

Ваше внимание...
...крупнейшие звезды...
...и крупнейшие звезды...
...и крупнейшие звезды...

ЦЕНТРАЛЬНОМУ КОМИТЕТУ КПСС ПРЕЗИДИУМУ ВЕРХОВОГО СОВЕТА СССР СОВЕТУ МИНИСТРОВ СССР

Ваше внимание...
...крупнейшие звезды...
...и крупнейшие звезды...
...и крупнейшие звезды...

Ваше внимание...
...крупнейшие звезды...
...и крупнейшие звезды...
...и крупнейшие звезды...

орбите. Собравшихся в зале перед мониторами мучил один вопрос: сядет или нет?

На последних совещаниях в ЦК атмосфера была накалена до предела. Американцы подпирали: в рамках программы «Аполлон» собирались вот-вот запустить на Луну автомат Surveyor. А у нас как назло — с 1963-го более десятка провалов с мягким приземлением! Предшественник, станция «Луна-8», уже зависнув над поверхностью планеты, «кувыркнулась» из-за нештатно сработавших надувных амортизаторов. В случае очередной неудачи Королев уже не защитит: 14 января он неожиданно для всех скончался во время операции. Проект, изначально бывший детищем Генерального конструктора, передали за год до его смерти из

ПЛАКАТ Н. КАРПОВСКОГО

ОКБ-1 в КБ им. Лавочкина, под руководство инженера Георгия Бабакина. Если вновь провал — не носить ему головы! Новый хозяин Кремля Леонид Брежнев добродушен только на первый взгляд...

Телеметристы тем временем бесстрастно передают: двигатель торможения отработал штатно, сброшена лишняя аппаратура. Ракета опускается, «держась» датчиками за Луну и Солнце — словно за две оси координат. Вблизи лунной поверхности двигатель, как и положено, выключился, а срез его сопла развернулся, образовав из плоской пружинной ленты длинный трубчатый щуп. При касании планетной тверди два эластичных баллона, зажавшие внутри себя автоматическую лунную станцию (АЛС, или «алсик», как ласково звали ее разработчики), отстрелились большим упругим мячом.

Попрыгав, этот почти стокилограммовый «пушбол» успокоился, и тогда по программе спустя четыре минуты сработал пирозомок, разъединивший две его половинки. Утренние лучи Солнца торжественно блеснули на металле шарика, раскрывавшего, как невиданный цветок, свои лепестки-антенны. Четыре антенных усика выдвинулись из гнезд, нацеляясь на огромную голубую планету...

Присутствовавшие в КВЦ профессионалы знали: по технике безопасности передатчики включаются лишь через пять минут, поэтому нарисованную выше картинку прокручивали у себя в голове. С надеждой, что она окажется былью. Пока все по-прежнему висело на волоске: если передающая аппаратура повреждена при посадке, то больше они не получат никакой информации с Луны и миссия окажется проваленной.

«Вот когда верна метафора: секунды кажутся вечностью, — вспоминает в своей книге Юрий Марков, бывший инженер-испытатель КБ им. Лавочкина. — Но все проходит. Перо самописца медленно поползло вверх, и первым указал на это солдат-оператор. Наш телеметрист «официально» объявил по громкой: «Есть сигнал! Есть посадка!» Все радовались, как радуются спортсмены

РЕТРОСПЕКТИВА

после установления мирового рекорда. Собственно, это и был мировой рекорд: первая в истории космонавтики мягкая посадка на другое небесное тело».

Почти одновременно с телефонными поздравлениями из Кремля пошли первые снимки спутника Земли: поначалу блеклые, не резкие, но затем кардинально улучшенные благодаря технической подстройке.

«Лунное утро» было выбрано для посадки не случайно: промерзшая за две ночные недели равнина Океана Бурь, куда прилунилась станция, только начала отогреваться, вращаясь с планетой в сторону Солнца. В косых его лучах лучше всего вести фотосъемку: бугры и камни Селены отбрасывают длинные тени. АЛС лежала на пологом откосе с небольшим наклоном, так что на переднем плане телекамера могла различить миллиметровые детали поверхности. Луна вращается медленно, но через несколько дней светило разогреет здешние рытвины более чем до ста градусов по Цельсию — земная техника начнет отказывать...

За семь сеансов связи общей продолжительностью более восьми часов на Землю были переданы панорамы лунного ландшафта при разных углах Солнца над горизонтом — всего 11 150

ФОТО: РИА НОВОСТИ

Ракета-носитель с автоматической станцией «Луна-9»

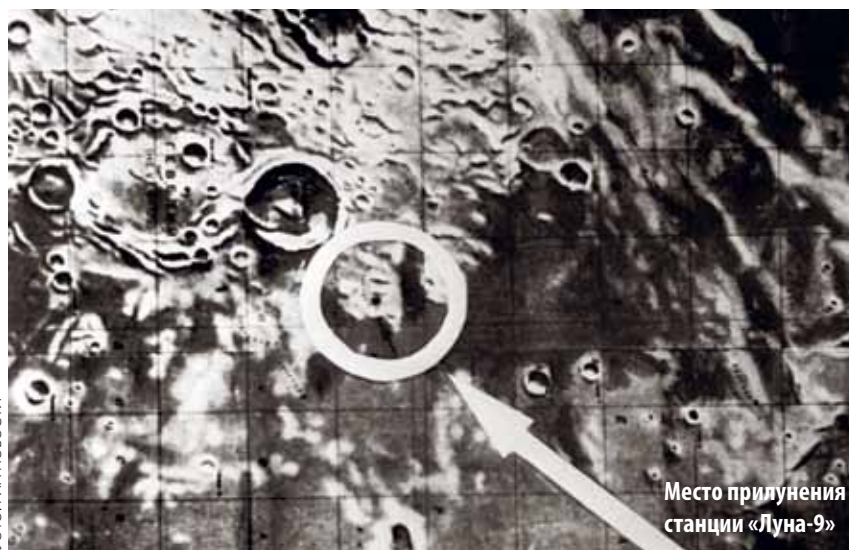
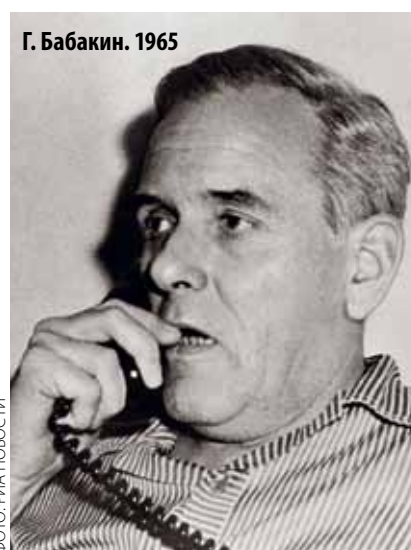

ФОТО: РИА НОВОСТИ

Место прилунения станции «Луна-9»

Г. Бабакин. 1965

ФОТО: РИА НОВОСТИ

ФОТО: ВИКТОР БУДАНТАСС

Пресс-конференция, посвященная мягкой посадке на Луну.
14 февраля 1966 года

ТВ-снимков. Их анализ показал, что планета бугристая, между холмиками и ямками разбросаны редкие камни, что подтвердило «метеорно-шлаковую» теорию строения наружного покрова, выдвинутую семьей советских астрономов — Всеволодом Шароновым и Надеждой Сытинской. При этом была опровергнута гипотеза американца Томаса Голда о многометровом слое мелкой пыли, в котором, дескать, утонет любой земной аппарат. Это позволило в дальнейшем сажать автоматы там на ракетные «лапы». Приборы станции впервые зафиксировали излучение лунного грунта. Замерили общую интенсивность радиации, установили, что она не является угрожающей для космонавтов, одетых в скафандры. Все эти данные трудно переоценить для дальнейшего, в том числе еще предстоящего, освоения ближайшей к нам планеты. «Луна-9» собирала и передавала на Землю информацию несколько суток, после чего замолчала, оставшись памятником всей советской космонавтике и персональным обелиском лично Сергею Королеву.

Миссия не обошлась без занятных казусов — не технического свойства. Пока все радио- и телепередатчики Земли транслиро-

вали триумфальное сообщение ТАСС, а в типографиях спешно переверстывали первые полосы, директор английской радиообсерватории Джодрэлл Бэнк, крупный радиоастроном Бернард Лавелл не терял времени даром. Послав поздравительную телеграмму в адрес правительства и Академии наук СССР, он между прочим сообщил, что принимает сигналы с «Луны-9» хорошего качества. С англосаксонской предприимчивостью ученый перевел телеметрию в серию сенсационных фотографий, продав их в десятки газет и заработав на этом кругленькую сумму. Выйдя из эйфории, наши чиновники поняли, что проморгани крупное инвалютное поступление в бюджет.

Впрочем, это было не столь важно, как иным, вероятно, покажется в наше сугубо меркантильное время. Вымпел и герб Советского Союза, оставленные в Океане Бурь, вместе с фото лунных панорам горворили сами за себя, вновь поднимая авторитет нашей страны на космическую высоту. Ведь всего за восемь лет до этого Россия запустила на земную орбиту первый искусственный спутник, а за пять — первого человека. Американцам долгое время оставалось лишь кусать досады локти. Позавидовать

тем нашим успехам в пору и сегодняшним деятелям отечественной космонавтики: с такой истовостью и практической отдачей при всемерной поддержке власти отрасль после крушения СССР не работала уже никогда.

Не только государственный агитпроп (передовицы, телепередачи, документальные фильмы, марки, памятные монеты, «сувенирка»), но и вся общественная атмосфера была по-хорошему заражена космической романтикой. Номера журнала «Техника — молодежи» с рисунками Андрея Соколова, изображавшего автоматические советские станции на других планетах, рвали из рук. За год до миссии «Луны-9» вышел отдельной книгой гениальный роман-сказка Николая Носова «Незнайка на Луне». А в самом 1966-м, возможно, именно после нашей лунной победы, Юрий Визбор написал пронзительно-духоподъемную песню «Да будет старт» с припевом: «Мы построим лестницу до звезд, / Мы пройдем сквозь черные циклоны / От смоленских солнечных берез / До туманных далей Оберона».

Впереди были триумфальные советские миссии «Луна-17» и «Луна-21», доставившие на наш естественный спутник первую и вторую автоматические передвижные научные лаборатории «Луноход-1» и «Луноход-2». За вымпелами космических побед маячили и досадные неудачи — отказ от королевской идеи лунного поселения, яркий рывок вперед американцев с их «Аполлоном-11», хотя в последнем сегодня многие и сомневаются...

Как бы то ни было, тот земной бутон, раскрывший навстречу Солнцу свои лепестки-антенны на другой планете, был не только всечеловеческим, но и абсолютно нашим — из русской оранжереи. Неплохо бы снова вспомнить принципы тогдашнего космического садоводства...

Вокруг света за пятьдесят дней

Наталья Макарова

Морозная северная ночь 1 февраля 1966 года. Порт Западная Лица Мурманской области. Студеный ветер обжигает лица офицеров, стоящих на мостиках подлодок и ожидающих погружения в глубины Баренцева моря. Большинство еще не знает, что им предстоит стать первыми, кто, не всплывая на поверхность, обогнет земной шар. И что спустя полвека их рекорд так и не будет побит.

РУБОЧНЫЕ люки задраены — две атомные субмарины начали медленно погружаться. Лишь вдали от берега, под толщами студеной соленой воды личному составу откроют истинные цели похода. По корабельной связи прозвучит голос главкома ВМФ Сергея Горшкова: «Вам оказана высокая честь совершить длительное подводное кругосветное плавание».

Необычное путешествие затевалось не показухи ради — надо было перебазировать часть сил подводного флота из Мурманской области на Дальний Восток, игравший (и поныне играющий) огромную стратегическую роль. переброска по Северному морскому пути, пролегающему через воды Арктики и ставшему уже привычным для моряков, осложнялась состоянием покрова льда в Чукотском море. Пройти этот район подводные корабли могли

лишь в конце лета — начале осени, да и то не каждый год. Чтобы не терять время, рассмотрели три других маршрута. В первом варианте предполагалось достигнуть берегов Камчатки так: преодолеть с севера на юг Атлантический океан, затем — пролив Дрейка, разделяющий Южную Америку и Антарктиду, и наконец «подняться» в Тихом океане в северные широты. Второй путь — вокруг Африки, водами Индийского океана и далее через Малаккский и Сингапурский проливы. Третий — вокруг африканского континента и Австралии. Главком одобрил первый, так называемый южный маршрут: морякам предстояло пройти под водой 18 700 миль за 78 суток.

Руководителем группы был назначен контр-адмирал Анатолий Сорокин, командир соединения атомных подводных лодок Северного флота. Для перехода поначалу выделили три корабля: новейший ракетоносец К-116 и торпедные атомные подлодки — К-133 и К-14. Последнюю не успели подготовить к назначенному сроку, и в поход отправились две субмарины. В условиях обострившихся советско-американских отношений уходили в плавание с полным ядерным боезапасом. На борту К-133 находились 20 боевых и одна практическая торпеды. К-116 в нужный момент могла применить любую из 6 крылатых ракет или 10 торпед.

За шесть лет до этого, в 1960 году, американская подлодка «Тритон» также обогнула земной шар, но ее рекорд получился не чистым: однажды она все же поднялась на поверхность недалеко от Уругвая для передачи заболевшего моряка на крейсер «Мэкон». Перед нашими подводниками ставилась более сложная задача: они должны были преодолеть весь маршрут без всплытия. И сделать это незамет-

Контр-адмирал
Анатолий Сорокин. 1967

ФОТО: РИА НОВОСТИ

но для противника. Поэтому маршрут был проложен по пустынным районам. Если команда «Тритона» в любое время могла воспользоваться помощью военно-морских баз, мимо которых лежал путь, то нашим морякам оставалось надеяться только на себя.

На большой глубине, в ранее неизведанных широтах, с ядерным оружием на борту им предстояло нести свою долгую и тяжелую вахту. «Здесь день перепутался с ночью которые сутки подряд, лишь тихо приборы стрекочут, да тускло плафоны горят», — вспоминали те дни моряки атомохода. Жизнь для них делилась не на сутки, а на смены, стирая тем самым всякое представление о реальном времени.

Первым опасным районом, где легко можно было попасть на экраны радаров американцев, стал Фареро-Исландский рубеж — линия противолодочной обороны НАТО на севере Атлантики. Под особым вниманием опытных командиров, на малозумных оборотах русские миновали проблемную зону.

Самый сложный участок пути (к нему готовились заранее) — пролив Дрейка. Здесь высок риск встретиться с айсбергом. Для обеспечения безопасности в помощь отправили танкер «Дунай» и экспедиционное судно «Гавриил Сарычев». Те шли впереди, ведя за собой подлодки. На подходе к проливу на К-133 обнаружили резкое понижение температуры забортовой воды. Гидролокатор «не находил» цель, и в то же время экраны индикаторов засвечивались. Подводники поняли, что это айсберги из-за торошения льда создают шумовой фон, сбивающий с толку приборы. Выбрав район с более теплой водой, лодки подвсплыли, чтобы оказаться поближе к надводным «братьям». Установив с ними гидроакустическую связь и сле-

НАУКА ПОБЕЖДАТЬ

дую указаниям, форсировали пролив Дрейка протяженностью 1300 миль.

Даже на глубине ста метров чувствовалась сила бушующего океана. Когда же им пришлось подняться на десять метров от поверхности, чтобы сообщить по радиосвязи о благополучном преодолении большей части пролива, водная стихия показала весь свой норов. Огромные волны подбрасывали лодки, словно пытаясь вы-

толкнуть из воды. Моряки выстояли, удержались.

Миновав еще одну опасную зону, достигли Тихого океана. Однако и здесь подстерегала неожиданность — из-за резкого изменения плотности воды произошло утяжеление подлодок, и они внезапно начали терять плавучесть. Но с честью вышли и из этой крайне непростой ситуации. Случались и бытовые трудности. К примеру, на К-116 сломалось устройство выброса за борт отходов. Экипаж не растерялся — стал выстреливать пакеты с мусором через торпедный аппарат.

С каждой пройденной милей накапливалась усталость, у моряков периодически пропадал аппетит, исчезало желание заниматься спортом. В длительном пребывании в замкнутом пространстве есть свои подводные камни — человек

начинает замыкаться в себе, много думать, рефлектировать. Одолевают и мысли о доме. Ведь офицеры в большинстве своем оставили жен и детей в суровых условиях северных военных городков. Командование старалось морально поддержать товарищей. В ежедневных радиогазетах, боевых листках отмечались лучшие показатели несения вахт и тренировок по специальности, устраивались конкурсы силачей, шахматные турниры.

А в каждый день рождения кок непременно выпекал праздничный торт, и новорожденного душевно поздравляла вся команда. На время похода выпало 45-летие Анатолия Сорокина. Для него приготовили сюрприз: к полудню К-116 вывели на глубину 45 метров, и по радиосвязи командир отряда услышал голоса своих родных.

16 февраля они пересекли экватор в Атлантике. Для моряков это событие особенное. Те, кто делает это впервые, должны пройти посвящение у Нептуна. Отлынить не получится, верная свита бога морей — морские черти, русалки, пираты — разгуливает по кораблю, чтобы «причастить», кого положено, забортной водой. После этого моряк получает свидетельство, заверенное печатью командира корабля, в том, что он перебрался из Северного полушария в Южное. 8 Марта подводники встретили в экзотических местах — неподалеку от острова Пасхи. Праздник отметили просмотром фильма «Весна».

Чтобы не терять друг друга в океане, команды атомоходов назначали конкретное время и место встречи на глубине. Однажды К-116, придя в нужную точку, вместо сигналов «сестры» услышала какой-то необычный писк. Оказалось, подлодка попала в район, где обитают касатки, и те своими звуками выражали то ли недоумение, то ли негодование. Эти голоса подводники записали на пленку и потом часто прослушивали.

Два многотонных странника в своем путешествии сделали немало для изучения Мирового океана. Моряки замеряли плотность, соленость и температуру воды на разных глубинах, отслеживали скорость распространения звука в воде, отмечали особенности рельефа дна, подводные течения и микрофлору. Был собран огромный багаж научных знаний.

26 марта в 4 часа 26 минут по московскому времени атомоходы достигли берегов Камчатки. Поход был успешно завершен. За 52 дня 16 часов они прошли под водой 19 607 миль. Противолодочным силам НАТО не удалось их обнаружить. Официальное заявление министра обороны Маршала Советского Союза Родиона Малиновского «об успешном завершении группой атомных лодок кругосветного похода только в подводном положении...» взбудоражило весь мир. По слухам, после этого начальник разведки ВМС США был уволен со своего поста.

Главком советской науки

ФОТО: ВАСИЛИЙ ЕГОРОВ/ТАСС

«Три К» отечественной науки — Курчатов, Королев и Келдыш — киты, на которых всю вторую половину XX века держалась технологическая мощь страны, создатели ее ракетно-ядерного щита, корифеи, рожденные в империи и бережно перенесшие славу вечной России в советский и постсоветский периоды. Со дня рождения Мстислава Келдыша 10 февраля исполняется 105 лет. Он — наш старший современник, и многие вправе гордиться тем, что часть жизни прожили рядом со столь блистательным ученым «раннесоветской сборки».

Академик М. Келдыш. 1971

Дмитрий Антонов

РАЗМЫШЛЯТЬ на эту архиважную и сверхактуальную тему, как ни странно, лучше всего не в пространстве державных столиц, а где-нибудь на территории сибирских научных центров. К примеру, возле памятника академику Михаилу Лаврентьеву, установленного в новосибирском Академгородке. Именно этот человек был учителем будущего президента Академии наук СССР Мстислава Келдыша. Возле подобного монумента предельно отчетливо осознаешь некоторую близость к плеяде бессмертных — тех, кто создавал и приумножал наше планетарное могущество. Хочется разгадать тайну людей, подвизавшихся в науке в тяжелейший и драматичнейший период становления Страны Советов, превративших физиков в подлинных героев пусть и непродолжительного, но во всех смыслах нашего времени.

Самые распространенные биографические словари дают о Келдыше сухую справку: «Ученый в области прикладной математики и механики, крупный организатор науки, один из идеологов советской космической программы. Академик АН СССР (1946; член-коррес-

пондент — 1943), с 1953-го — член Президиума, в 1960–1961 вице-президент, в 1961–1975 — президент, в 1975–1978 член Президиума АН СССР. Трижды Герой Социалистического Труда (1956, 1961, 1971)». Следом — длинное перечисление достижений и чинов, которые среднестатистическому современнику мало о чем расскажут.

Вообще же, говорить о Келдыше едва ли следует отдельно от его поколения. Возьмем самые громкие имена отечественной науки той эпохи. К примеру, нобелевского лауреата Николая Семенова, чья судьба связана прежде всего с Сибирью, с Императорским университетом и Технологическим институтом Томска. В свое время он был мобилизован в армию Колчака, и, представьте, не претерпел за это впоследствии никаких лишений. Если и были у большевиков-коммунистов крупные «недостатки», то отсутствие прагматизма среди оных не значилось. Потому-то немалое количество представителей настоящей, природной технократической элиты спокойно служили Союзу ССР.

Дворяне Мстислав Келдыш и Анатолий Александров возглавляли в разные годы Академию наук. Сын царского офицера Семенов настоящую пользу принес именно

«государству рабочих». Вышеупомянутый Лаврентьев решительно шагнул из профессорской столичной семьи «во глубину сибирских руд». Игорь Курчатов был сыном почетного гражданина сугубо мирной профессии, а устремился в сферу, контролируемую грозными военными стратегами. Сергей Королев взлетел из купеческо-разночинной среды туда, где прежде не был никто. Но и в этой когорте уникалов Келдыш был на заслуженно особом положении: его невероятная универсальность и как ученого, и как администратора давала право на участие практически во всех крупнейших, вошедших в мировую историю научных проектах СССР.

Наука для ученого — это такая «игрушка», отказаться от которой тот не в силах. Ученого нельзя замкнуть в партийных рамках, и в этом смысле Мстислав Всеволодович сказал о себе лучше других: «Думаю, вообще очень немного может быть сравнимо с тем чувством, которое овладевает человеком, когда он сделал научное открытие. Он узнал новое, еще совершенно неизвестное, своим открытием принес пользу людям». Слова о пользе — не для красоты: за ними — гордая легенда о Прометее, великий миф, сформировавший Европу. И главные носители этого мифа —

ФОТО: РИА НОВОСТИ

Советские ученые проводят расчеты на БЭСМ-6. 1972

разумеется, европейцы. А как же Сибирь, скажете вы? Азия-с!

Сибирью прирастало и поныне прирастает могущество России — факт не только хрестоматийный, но и ко многому обязывающий. Именно поэтому вспоминаем здесь Русскую Азию вообще и Сибирское отделение Академии наук в частности: Келдыш, заботливо курируя и лично посещая разбросанные по всей огромной стране структуры АН СССР, не позволял евразийской державе утратить культурную связность. Этот «физик», пожалуй, как никто другой, знал, что национальная культура отнюдь не ограничивается епархией «лириков», «областью балета», что естественно-научные дисциплины — не меньшая ее часть, нежели словесность и музыка.

В науке первый — всегда среди равных. Равенство здесь неформальное, но четко осознаваемое. Чувство собственного достоинства, сосуществующее с добровольным служением, первично. Общественные формации и прочие социальные категории глубоко вторичны.

Хотите узнать, свободна ли страна? Посмотрите на ее науку.

Подчеркнуто сухоовато, но и красноречиво высказался о последнем представителе К-триады его коллега по Институту прикладной мате-

матики Константин Брушлинский: «Келдыш родился и вырос в интеллигентной дворянской семье. Нетрудно вычислить, что период его отрочества, юности, образования и формирования личности приходится на первые 15 лет советской власти, и совершенно очевидно, что нет никаких оснований подозревать советскую власть в любви к Келдышу, а Келдыша — в любви к ней». Что не мешало ему, добавим, верой и правдой служить России. Наряду с другими выходцами из «бывших» он являл собой драгоценный осколок сословия управленцев, потомственных лидеров. Не грубых баронов какого-нибудь Средневековья, а генералов (или даже маршалов) передовой науки. Причем именно европейской, с ее развитой традицией внутренней, чрезвычайно специфической демократии: «Был ли Мстислав Всеволодович «демократическим» директором? Безусловно — нет. Это был очень жесткий и требовательный руководитель с огромным авторитетом. Поэтому его решения не обсуждались, а выполнялись «по-армейски». Вместе с этим атмосфера была полна демократизма», — вспоминал доктор физико-математических наук Александр Платонов.

Келдыш чувствовал под ногами родную землю — Россию. И лич-

ную ответственность за территорию, полученную в наследство от предков. Не был пустым прожектером и при этом до конца жизни отстаивал известную самодостаточность советской кибернетики. «БЭСМ-6... Это была последняя отечественная машина, которая по своей архитектуре не была копией зарубежных образцов... Несмотря на огромные усилия Мстислава Всеволодовича, направленные на то, чтобы продолжить линию БЭСМ-6, ему эту проблему решить не удалось», — считал доктор технических наук Анатолий Мямлин.

И тем не менее Келдыш, по утверждениям других мемуаристов, сыграл определенную роль в копировании нами американской IBM 360. Тут вот что нужно понимать: мировое производство было налажено, рынок захвачен далеко не нами, конкурировать на равных с IBM мы тогда заведомо не могли. Не в силу лености или глупости, просто «так сложилось». Хотя заполнить собственную нишу суперкомпьютеров были способны — на единичные образцы денег хватало... Однако лить слезы о несбывшемся — пустое дело.

«В те времена у него была программа ввести наконец-то на Руси правление профессионалов...», — полагал известный математик Альберт Молчанов. И эта программа должна была начинаться высадкой советского человека на Луну. Вокруг этого грандиозного космического проекта, и не только космического, но и грандиозного общечеловеческого технологического прорыва могло начинаться идейное обновление».

Ведущие научные теоретики и практики профессионально интересовались целым миром, а не отдельными его частями: от термоядерной бомбы, к созданию коей Мстислав Келдыш приложил руку, до новаторской вычислительной техники, развитие которой в стране он во многом определил.

Записки охотника

Т. Юшманова. «Сходит снег». 2005

Свидание с весной

Михаил Булгаков

ДЯДЯ Андрей водку не пьет. То есть, когда ее нет — и суда нет, не станет он страдать из-за этого факта. А если водка на столе стоит... Повод по-цыгански благообразный — свиданьице, закуска — грузди. Извлеченные из погребного подземелья грибы на вид болезненно бледны, но так духовиты, что я начал бесцельно чихать, а дядя Андрей подскакивал на лавке вместе со мной и радостно колотил кулаками по коленкам: «Так-от! Так-от!»

Я уже знаю, что у него неладно с ногами, ревматизм «озверел», но чихаю еще и еще, — пусть хозяин немного подурочится. Родичей по вожегодским деревням хватает, старости он не боится, но не гадал, что карга перво-наперво ухватит его, ходока, за ноги.

Так и чихал бы я на все недельку-другую, но признался, что назавтра еду восвоюсь.

— Ково завтра, а охота когда ж? Мошники токо распелись... Да на что она, городская жизнь, сдалась без продыху!

— Для столицы четыре дня — отдушина, почти маленький отпуск, вот только глухари под Москвой не живут.

— И я про то: что за жизнь без глухаринной охоты, — дядя Андрей вскочил с лавки и тут же скривился от боли. — Эх, мать, где бы ходулями разжиться на денек хотя. Токовища наши в запрошлый год приезжие ханьги разбомбили — я писал тебе. А про тот, за рекой у Долгой Гривы никто не пронюхал, туда пойдешь. В марте я там на лыжах лазал, весь снег исчиркали петухи крыльями.

Какие славные слова говорил дядя Андрей: «никто не пронюхал», «весь снег исчиркали». Но меня не отпускала, тревожила мысль: что с рекой, не вскрылась ли ото льда? Дядя Андрей замялся: «Не должна, ночи стояли холодные».

И тут же успокоил:

— С вечера двинешься дак, до темноты реку как раз перескочишь. А на том берегу утра дождешься. Давай-ка на двор вылезем, глянem, что на белом свете творится.

Щурься, закрывай ладонями глаза — от света не спрячешься! Солнце жарит нещадно, отбеливает самые черные думы.

Талая вода заполонила двор, подступила к порогу. «Едрена-макарона, — весело склабится дядя Андрей. — Лягушки скоро в горницу гостевать приплывут».

Мы без всякой нужды топтались на улице, шлепали по лужам, пока у дяди Андрея не озябли ноги. Перед тем как снова сесть за стол, я бросил взгляд в сторону леса, что темным гребешком вылез из-за горизонта. В

лесу живет тихая речка, а за ней в Долгой Гриве живут глухари, о которых «никто не пронюхал». Только бы устоял, не сдался солнцу лед на реке.

В сенях дядя Андрей, словно скупой рыцарь, с головой залез в большой, опоясанный железными ремнями сундук и, чертыхнувшись, извлек из его недр горсть патронов с латунными гильзами. «Держи, — щедро раскрыл он ладони, — крепкие патроны, глухаринные, не чета фабричным».

Чай «Три слона» пили по-деревенски, с блюдца. Молчали, косились на часы.

— Выходи пораньше, — угадал мои мысли хозяин. — На тяге стоишь, вальдшнепа покараулишь. Любят городские-от в лесу лодырничать, ничего, значит, не делать, а птица чтобы сама к ним летела.

— Да ведь ты сам сколько раз со мной на тягу ходил, языком цокал.

— Ну дак что, надо же гостя уважить, — хмыкнул дядя Андрей. — Не слушай ты меня, от безножья подначиваю, понимай, от зависти. По лесу скачаю. Ты когда с тока будешь возвращаться, по левую руку от тропы сотню шагов через ольшаник продерись, туда, где бор начинается. Там под соснами уже лет тридцать ельник растет-растет, а все без толку — в густоту прет. Весной, гляди, снег везде пропал, а на елках подушками лежит. Я другой раз после дождей, в летнюю почти пору заскочу туда, глаза протру: лежит снег. Береза уже листом оделась, а снег живой-от! Прямо как в сказке про двенадцать месяцев. Сходи, посмотри.

Охота для охотника начинается задолго до того, как он вскинет к плечу ружье. И для каждого памятен миг, когда он, сойдя с поезда, автобуса ли, электрички, словно переступает невидимый порог, а за ним, кроме охоты, ничего нет. Помните Тихонова в фильме «Белый Бим Черное ухо»? Едва шагнув под сень леса, он не стал торопливо расчехлять ружье, а присел на опушке у

ЗАПИСКИ ОХОТНИКА

красивых берез, ждал, когда городская душа сладится с живым дыханием природы.

Я шел полем на закатное солнце, и особая северная прохлада студила голову, трезвила мысли: с какой стати, зачем очутился за тридевять земель от родного дома? Разве под Москвой нет такого же раскисшего поля, слякотной земли? Ах да, прохлада особая... Воздух и в самом деле свеж и так прозрачен, что ни один живописец не изобразит его на полотне. А можно ли словами сказать о том, чего не видят глаза? Пожалуйста: воздух не только свеж, но еще... вкусен.

Полевая дорога растянулась на целый час, но у межи отвернула в сторону, а к реке, в низину грязной лентой осклизло сползла тропинка. При виде затопленного луга екнуло сердце; откуда столько воды, неужели вскрылась река?

Какое-то время я напрасно успокаивал себя, что в ушах шумит от тишины или ветра, которого не было, — шумела река. Лед тронулся сегодня, может быть, вчера, но не раньше. Я опоздал на один день, и охотничья авантюра с треском, грохотом ломающегося льда лопнула. По инерции, горячечно хватая ртом холодный воздух, пробежал вдоль

реки с километр. Впустую — вода напрочь отрезала противоположный берег, а вместе с ним глухаринный ток.

Я вернулся к месту напротив Долгой Гривы и раненым зверем упал в жесткую прошлогоднюю траву. Проклинал себя, солнце, реку, саму охоту и даже не вспомнил, что перед глухарями хотел размяться на вальдшнепах. Какая к чертям тяга!

Несколько лет я с удовольствием дымил папиросами, но только теперь ощутил, какая это несусветная дрянь — «Беломор» дукатовской фабрики. Положив под спину рюкзак, прикорнул у дерева и уставился в небо. Свет убывал потихоньку, но заметно для глаз, как в кинотеатре перед началом фильма. Вместе со светом медленно угасала боль, я без труда скомкал в голове охотничью тему и переключился на происходящее вокруг.

Отчего вешними вечерами оживляется птичья мелкота: беззаботно шныряет в зарослях, детские догонялки затевает? А ну как ястреб объявится?.. Нет ястреба. То ли насытился за день, то ли спит уже. Мало живописности в северном лесу начала мая. Лиственный-то одноцветен, без белой березы вовсе бурый, темный, никакой музыкой в душе не откликается. А пернатым все нипочем, поют взапуски, кто во что горазд: «Пьюти-фьюти, чирли-тирли, крэки-трэки, лю-лю-лю». Людей, не способных спеть одну-две ноты, полно, но бесталанных птиц не бывает.

Прямо над моей головой тощими плетями безжизненно свесилась береза. Я пропустил пупырчатую ветвь сквозь сжатую ладонь. Почки-ядрышки отозвались холодом, но под их панцирем уже шла невидимая глазу работа, уже теплилась жизнь.

На одну из веток, совсем рядом с ружейными стволами уселся зяблик. Свои рулады он выводит на верхотуре, в макушках деревьев, а сейчас вместе со мной молча смо-

Т. Юшманова. «Половодье», 2007

трел на реку, будто знал, что я не причиню ему зла. Зяблик забавно клонил к воде головку в синей тютбейке, настраивая слух на музыкальную волну весенней реки, — пригодится для птичьего концерта.

Улетела птаха. Запомнила мелодию бегущей воды и улетела. Именно так, иначе с чего бы ей порхать здесь без дела. Крошечная, но родственная душа...

Дядя Андрей, наверное, не спит, вспоминает давние, молодые еще охоты, переживает за меня. Возвращаться в деревню я не мог. Что скажу старому охотнику: «Не получилась охота, давай-ка, дружище, на боковую?» А на завтра распрощаюсь и вернусь в Москву? Никуда я отсюда не уйду. Запалю костер и буду сидеть до утра. В сущности, разницы нет, на каком берегу коротать ночь, а дядю Андрея успокою, мол, глухари не пели, или... ладно, придумаю что-нибудь.

Костер так костер. Комлястый выворотень — уже полдела, а натрескать в елках охапку сухих лап — пустяковина. Вдобавок выдрал из

рыхлой земли несколько мертвых олешин, подтащил к кострищу. Через полчаса кипятком из котелка шумно брызнул на огонь, подоспело время таежной отрады — в лесу даже скупой не жалеет лишней горсти чая.

Хорошо у костра! Смотришь на пламя и вдруг спохватишься: не мои мысли в голове, не цивилизные мысли, а человекообразные, кайнозойские какие-то. Словно сижу я в первобытной пещере, укрытый шкурой и немигающим взглядом смотрю на очаг...

Однако не только огонь, но и некое чувство, сродни самодовольству, грело меня.

Лунный свет уже давно вырезал зубчатую кромку леса, и я знал, что людей поблизости нет, они — там, далеко за лесом и полем, спят. Ну, может, в полусотне верст от меня еще какой-нибудь бедолага мается у костра — лишь охотникам ведомы ночные страсти северного леса.

Посидеть с приятелем у костра — заслуженная награда за многолетнюю дружбу, но сейчас я один. И

некому, кроме меня, оживить огонь, подбросить в него сушину. А мне неохота — устал от огненного веселья, от земной радости.

Небо опустилось ниже, Млечный Путь придвинулся, раздался вширь, приоткрыв створки таинственного купола. Близкие северные звезды обычно возвышают душу, дарят надежду. В эту ночь моя звезда не зажглась.

Несколько холодных часов утихомирили полую воду, но уже росла, дыбилась, как на дрожжах, светлая полоса на востоке, скоро опять выкатит солнце, опять завеселятся ручейки. Неужели я глядел на костер и звезды целых три часа?

Нельзя сказать, что я совсем не думал о спящих за рекой глухарях. И все же не предполагал, что произойдет под утро. Убаюканный монотонным шумом реки, слух вдруг отметил новый, свежий звук. Это уж слишком, верить ли? Меньше чем в сотне шагов, но недостижимо, за водной преградой пел глухарь, да как пел! Отчетливо, без перемолчек. Лишь последняя, самая жаркая

ЗАПИСКИ ОХОТНИКА

трель песни, сливаясь с говором реки, с шипением тонула в воде.

Однажды я услышал, что для охотника одинаково больно: отнять у него ружье или руку. Мое ружье покоилось в здоровых руках, но бессилие, ватное, аморфное бессилие невероятным образом грызло сердце несуществующими острыми зубами. Когда я немного остыл и прислушался, под боком, но все равно за рекой пели уже четыре глухаря. И я понял, чего надо желать своему врагу.

Зряшные это разговоры, что охота выродилась, дичь — вот она, рукой подать. Иное дело, что охотники... Я, что ли, выродом стал?

Много лет тому назад я и трое моих приятелей, ведомые бывалым охотником, едва не закончили глухаринный поход возле такого же бурливого потока. Решили пере-

ждать пару дней: вода спадет, тогда и уроним лесину на другой берег. Стали табориться, но наш коновод сдаваться не захотел, метался в поисках узкого русла, вспомнил, что в десяти километрах вниз по реке сколько-то лет назад случайно нашел в камышах спрятанную лодку.

— Вам что, не жаль двух дней охоты? Их всего пять. Пять! Молодежь худосочная, жижа! — подбадривал он компанию, а потом: — Где наша не пропадала! — скинул с плеч телогрейку и с рюкзаком на загривке, прямо в рубахе и штанах шагнул в реку.

Что нам оставалось делать? И как назвать поступок зрелого мужика, министерского, кстати, чинуши: геройством или дурью? Не знаю. На миру и смерть красна: следом за оглашенным командиром мы форсировали реку, облачились в сухое,

приняли на грудь по двести и спяли вокруг костра джигу. Теперь все не так: предводитель спит в могиле, живы, но спят в городских квартирах друзья. И река передо мной другая: злая, глубокая. И годы уже не мальчишеские.

А невидимые глухаря все пели, попытка продолжалась. В тлеющие угли полетела порожня пачка из-под скверных папирос, пальцы теребили «крепкие» патроны дяди Андрея. Я сжал рукой мерзлый ствол ольхи — иней под ладонью тотчас растаял.

Далеко за рекой в глубине мшистого болота забубулькали, зашикали друг на друга косачи. Дорожный сон обернулся явью. Увы, только для ушей.

Между тем свет и молодой утренний ветер тронули деревья, лес дрогнул, задышал глубже, беспокой-

Т. Юшманова. «Последний снег. Опушка». 2007

нее. Снова заверещала на все лады птичьмя мелюзга.

А глухари не умолкали. Теперь их песни растворялись в лесном многоголосии, но я знал, что глухари поют, помешать им было некому. Пару раз с тока донеслось грохотание сильных крыльев — дело дошло до драки. Воображение услужливо нарисовало скрытое от глаз действие: два матерых петуха, насупив алые брови, тяжело бьются грудь в грудь, щиплют клювами-крючьями перья на шеях. В двух шагах от побоища капалуха отстраненно разглядывает в траве прошлогодние семечки, но глухари не догадываются, что ее равнодушие всего лишь дамский фокус, и дерутся еще более рьяно.

С восходом солнца все вокруг обрело яркость и резкие очертания, проклюнулись новые запахи, в лесу и на воде обозначилось движение. Вверх по реке, умело держа строй, с резким свистом пронеслась эскадрилья легких чирков, а встречу им, позванивая крыльями, — пара гоголей. Блеснув атласом белого испода, гоголиха заложила крутой вираж, пытаюсь увильнуть от назойливого ухажера. Или ей захотелось проверить крепость его чувства?

Нетерпение, свадебная суматоха охватили птичье царство. Женихи нарасхват, зевать некогда: бесстыжие соперницы мигом уведут самца-красавца, похитят из-под носа брачное счастье. Селезень — гуляка еще тот, но разве можно устоять перед охрипшим от страсти гоголем?

Невысокое еще солнце пробилось сквозь голые вершины прибрежной ольхи. Я шагнул на край берега, глянул вниз, в разводы между льдинами. А там — голубое небо без дна. Обморочным восторгом перехлестнуло дыхание. Такое случалось в детстве, когда взмывал на качелях в самую верхнюю, невесомую точку и тут же падал в бездну: летело тело, душа летела. Как давно это было... А сейчас?

Где небо, где вода... Голова пошла кругом, и я инстинктивно отпрянул от обрыва.

Бездонная пропасть отделяла меня от глухариного берега, на миг вернулась ночная досада и тут же ушла, уступив легкости и веселью. Словно не было бессонной ночи у костра и саднящего разочарования. Переживу, перезиму! Глухари ведь — вот они, рядом. Я с ними еще встречу, еще докажу свою охотничью удаль, но не забуду и сегодняшнюю ночь.

Ноги сами понесли меня прочь от берега, и старая, заросшая молодняком ольхи тропа привела к опушке соснового бора. Нижнюю часть стволов укутывали сугробы, и только вблизи я разглядел, что снег держал на себе невидимый ельник. Я попробовал освободить ветки от тяжелой ноши, но еловые лапы цепко держали слежавшийся снег, словно сроднились с ним за долгую зиму. Сыро, холодно, почти морозно. Я бросил ружье на землю, слепил пяток снежков и изо всех сил швырнул их в горячее солнце.

Все охотники знают, каким скучным, постным бывает возвращение с охоты без добычи. Иные, не разрядив ружья, не пальнув ни разу, так и топают домой с тяжким доохотничьим грузом. А мне — хоть бы хны, разве что песен не пою.

В пору половодья даже безымянные тихие ручейки становятся буйными. Неприметная ночью вода вдруг соединяется в шумные потоки, норвит сбить с ног. Пришлось изрядно попотеть, прежде чем я выбрался на открытую пойму, где царил благодатный покой. Не хочу, не буду спешить. Бездумное, сладостное безделье — тоже охота.

На луговом мелководье снуют кулики. Только что их не было, а теперь — вот они, меряют ножками полую воду. «Шелупонь», — снисходительно называют северяне куликов. С парочкой, что гуляет неподалеку, я знаком: кулики-сорочки. В черных фраках, на грудках белоснежные сорочки. Вид у птиц торжественный, даже строгий, а ведут они себя несolidно, суетятся, и говор у них ребяческий, писклявый.

Снова шевельнулось сожаление, память держала ночное: песни глухарей на другом берегу. Угробить столичный уют на дорогу, зябкое сидение у костра ради того, чтобы поглазеть на куликов? А сами они зачем здесь: лапки помочить, по лужам вдоволь нагуляться? На кормежку им начхать, бесцельно слоняются туда-сюда. Умницы. Остановятся, кокетливо глянут в зеркало под ногами и снова продолжают хождение по водам — сколько удовольствия в этом занятии!

Я не утерпел и забрел в воду выше щиколоток. Мягкие кочки под сапогами податливо отзывались на каждый шаг, чистые струи ворковали что-то озорное, разудалое. Так и ходили по разливу два кулика-умника и один... в общем, хорошо ходили. Соскучившись за ночь, солнце в охотку играло с водой, тут и там вспыхивали, скакали золотые зайчики, до боли резали глаза. Выстудились ноги, зато приятно пекло спину, так что я не скоро вылез на сухой пригорок.

Все, теперь все, пора возвращаться. Солнце растепило землю, грязь чмокала под ногами и лепилась, лепилась к голенищам, не пускала в деревню. Закончилась еще одна охота, а холодную сталь стволов так и не согрел ни один выстрел. Бог с ним, с ружьем, железо все стерпит, не о нем речь...

У дома, посреди лужи на пузатом кругляше для колки дров, виновато горбясь, сидит дядя Андрей. Яркое солнце еще несколько дней назад открыло ему тайну реки, и теперь он не знал, что сказать в утешение. Но, поймав мой взгляд, осмелел: «Уж извини, что послал тебя в никуда, не переночевать же в избе ты тащился за семьсот верст». Все правильно, на охоту ехал. Не задалась моя охота, зато настоящую, живую весну повидал, теперь в обратную дорогу отправляюсь. Но рассказать о ней нечего, это совсем не охотничья история.

Трапезная

Полевая кухня женского батальона. 1917

А. Турчанович

Каша с колес

*Дельный, что и говорить,
Был старик тот самый,
Что придумал суп варить
На колесах прямо.
Суп — во-первых. Во-вторых,
Кашу в норме прочной.
Нет, старик он был старик
Чуткий — это точно.*

Александр Твардовский

Максим Сырников

КОГДА Антон Турчанович начал разрабатывать свои передвижные кухни для русской армии, ему было чуть за сорок. Когда же полевые кухни полковника Турчановича отправились на Русско-японскую войну — в 1904-м, ему еще не исполнилось и пятидесяти. И тем не менее стариком Антона Федоровича в те годы едва ли считали. Спустя век с лишним еще проще оценить пользу его великого изобретения, прошедшего через многие войны и вооруженные конфликты.

Практически во все годы рокового для России XX века оно обеспечивало русского солдата сытной, вкусной, а главное, привычной для него едой. Щами и кашами. И служила эта кухня, образно говоря, не за страх, а за совесть, преодолевая невзгоды, разделяя победы вместе со всем нашим доблестным воинством.

Каждый, кто пробовал гречку с мясом, разложенную широким черпаком по алюминиевым мискам, должен помнить этот вкус. Почти как из русской печи. С дымком, хорошо разваренная, сочная и ароматная.

А ведь можно и дома приготовить очень вкусную кашу.

Каша с мясом

Возьмем стакан гречневой крупы и три стакана воды. А еще: две луковицы, морковь и полкилограммовый кусок бескостной говядины. Мясо мелко-на мелко порежем ножом, избегая мясорубок и комбайнов. И обжарим вместе с луком на топленом сливочном масле до полуготовности. Отдельно обжарим лук и мелко нашинкованную морковь. Крупу, основательно промытую, перемешаем со всей нашей обжаркой, выложим в чугунный или керамический горшок, дольем воды, посолим. И отправим на часок в духовку, томиться под тяжелой крышкой. Такой кашей не стыдно угоститься и за праздничным столом. Особенно в компании с защитниками Отечества.

ФОТОГРАФИИ PHOTOPRESS

Своя

ФЕВРАЛЬ 2016

КУЛЬТУРА
Лучшее пространство русской Европы